

ОГОНЁК

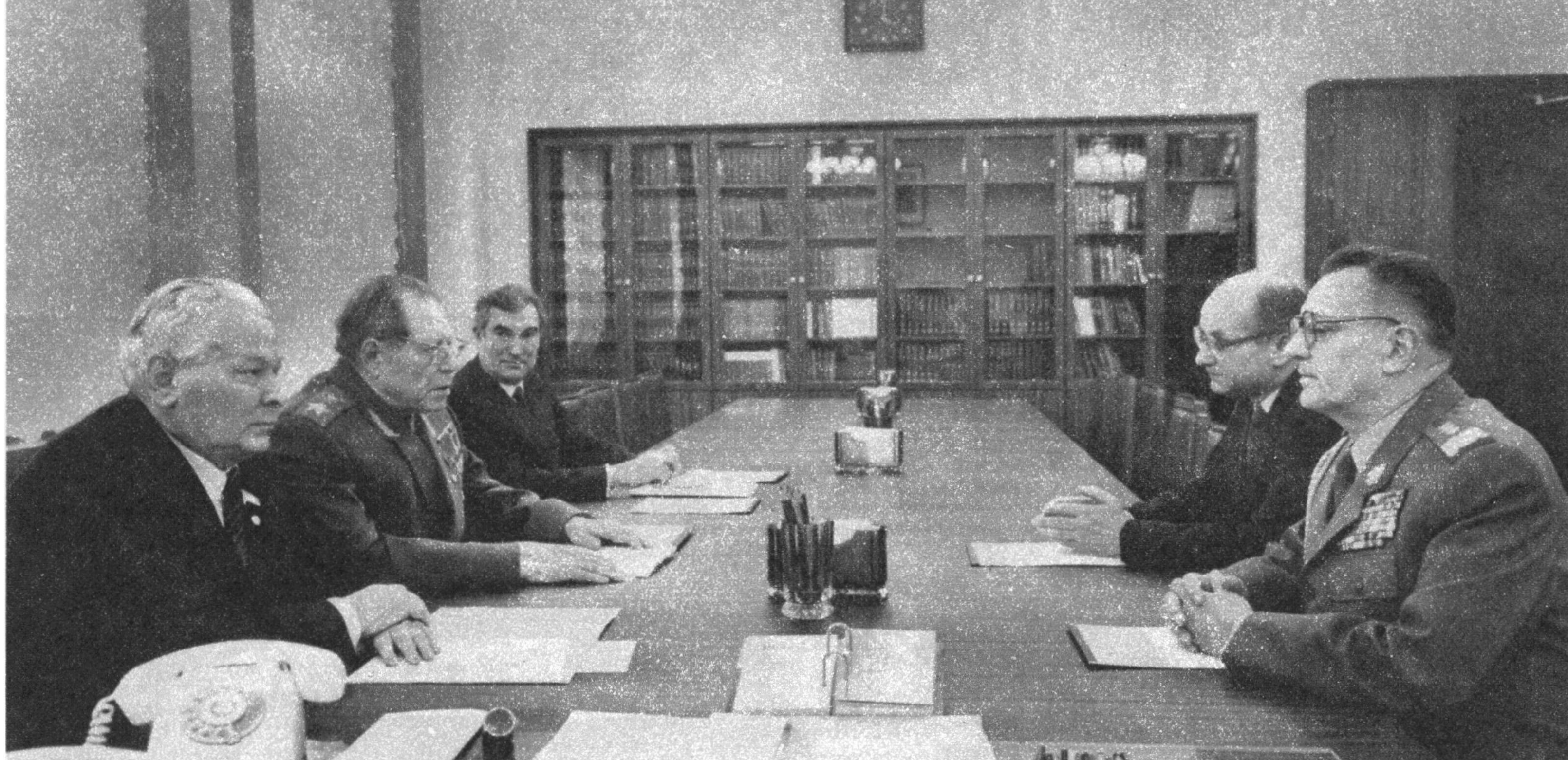
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 18 АПРЕЛЬ 1984

В президиуме торжественного заседания, посвященного 114-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС

18 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко принял находившегося с официальным дружественным визитом в Советском Союзе кандидата в члены Политбюро ЦК ПОРП, министра национальной обороны ПНР генерала брони Ф. Сивицкого.

В ходе беседы, прошедшей в атмосфере братской дружбы и сердечности, были рассмотрены, в частности, военно-политическая обстановка, складывающаяся в Европе, а также вопросы дальнейшего развития сотрудничества между СССР и ПНР.

В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

На беседе присутствовали помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Шарапов, посол ПНР в СССР С. Кочолек.

ГЕРОЯМ ОРБИТЫ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Одиннадцатый международный экипаж, стартовавший с космодрома Байконур, успешно выполнил научную программу и возвратился на Землю. На орбите дружбы и сотрудничества рука об руку на этот раз трудились посланцы СССР и Индии. С честью оправдали надежды своих государств Ю. В. Малышев, Г. М. Стрекалов, Ракеш Шарма и его дублер Равиш Мальхотра.

20 апреля в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вручил отважным покорителям космоса высокие награды Советского Союза.

За успешное осуществление полета и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Малышев Юрий Васильевич и летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Стрекалов Геннадий Михайлович награждены орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда».

Индийскому космонавту Ракешу Шарме Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

За участие в подготовке и проведении полета дублер космонавта-исследователя гражданин Республики Индии Равиш Мальхотра награжден орденом Дружбы народов.

Выступая при вручении наград, товарищ К. У. Черненко, в частности, отметил:

«В истории Советского Союза и Индии есть даты, которые навсегда остаются в памяти. 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин впервые шагнул за пределы Земли. С тех пор апрель стал для нас «космическим» месяцем.

И символично, что именно в апреле осуществил свой полет и первый индийский космонавт Ракеш Шарма...

Дружба наших великих народов уходит корнями в далекое прошлое. Ныне она успешно развивается и крепнет на прочной основе советско-индийского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве. Советский Союз и Индию связывают прочные нити экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Нет, пожалуй, ни одной области жизни, в которой не установлены тесные контакты между нашими странами».

Космонавты двух стран вручили К. У. Черненко побывавшие в космосе портрет В. И. Ленина и свидетельство о полете на борту орбитального комплекса «Салют-7» — «Союз Т-10» — «Союз Т-11», подписанные всеми членами международного экипажа.

Героев космоса тепло поздравили присутствовавшие при награждении кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнов, заведующий отделом ЦК КПСС И. Ф. Дмитриев, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешашвили, руководитель подготовки космонавтов генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов, посол Индии в СССР С. Нурул Хасан, другие официальные лица.

Во время вручения наград. Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

Во время беседы. Фото А. Гостева

БЕСЕДА К. У. ЧЕРНЕНКО С ДЖ. АНДРЕОТТИ

24 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко принял министра иностранных дел Италии Дж. Андреотти, находившегося в Советском Союзе с визитом.

В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В беседе участвовали также с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и посол СССР в Италии Н. М. Луньков, с итальянской стороны — посол Италии в СССР Дж. Мильуоло, начальник кабинета министра иностранных дел У. Ла Рокка и генеральный директор политического департамента МИД Италии Б. Боттай.

В деловой и конструктивной обстановке был обсужден ряд ключевых вопросов развития международной обстановки и двусторонних советско-итальянских отношений.

ЗАСЕДАНИЕ В БУДАПЕШТЕ

19—20 апреля 1984 г. в Будапеште состоялось очередное заседание Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В заседании приняли участие: министр иностранных дел Народной Республики Болгарии П. Младенов; министр иностранных дел Венгерской Народной Республики П. Варкони; министр иностранных дел Германской Демократической Республики О. Фишер; министр иностранных дел Польской Народной Республики С. Ольшовский; министр иностранных дел Социалистической Республики Румынии Ш. Андрей; первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик А. А. Громыко; министр иностранных дел Чехословацкой Социалистической Республики Б. Хнеупек.

Министры обстоятельно рассмотрели вопросы, связанные с положением в Европе в более широком контексте общей международной обстановки.

Заседание Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора прошло в обстановке товарищеского взаимопонимания и стремления содействовать повороту к лучшему в развитии международных событий.

На снимке: во время заседания.

Фото Г. Надеждина (ТАСС)

Да здравствует 1 Мая — День международной солидарности трудящихся в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1984 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (2963)

28 АПРЕЛЯ 1984

ЗА ПОДЛИННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Владимир КАТИН

Это уже стало свершившимся фактом: американские ядерные ракеты первого удара устанавливаются на территории ФРГ, для них готовят базы в Сицилии, расчищают стартовые площадки в Англии. В НАТО выкручивают руки голландцам, заставляя принять 48 носителей крылатой смерти. Всего в Западную Европу из США должно быть завезено 572 единицы ракет первого удара. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко в этой связи заявляет: «Такие действия никак не совмещаются с задачей прекращения гонки вооружений. И отнюдь не случайно, что США преднамеренно подорвали сам процесс ограничения и сокращения ядерных вооружений, сорвали переговоры как по стратегическим вооружениям, так и по ядерным вооружениям в Европе».

Согласно заявлениям американской администрации, эхо которых отдается и в столицах Западной Европы, новые ракеты предназначаются, видите ли, для укрепления ее «безопасности», для защиты от «возможного нападения Советского Союза». Одним словом, пугают «советской угрозой». При этом обязательство СССР не применять первым ядерное оружие пропускается мимо ушей, как будто его нет вовсе. Все предложения нашей страны полностью и навсегда разминировать Европу от атомной взрывчатки игнорируются, словно их не существует.

Итак, безопасность Западной Европы обеспечивается через насыщение ее ядерными ракетами, бомбами и снарядами, химическим и биологическим оружием, а в перспективе и нейтронным. Короче говоря, следуя логике США, чем больше будет в странах НАТО ядерного и прочего оружия, тем прочнее, дескать, будет их безопасность.

В нашей стране такую концепцию не только не разделяют, но считают иллюзорной, а если говорить откровенно — ошибочной или обманной. В данном вопросе мы исходим из обратного: чем будет больше ядерного оружия в Европе, тем более хрупкой, уязвимой станет безопасность ее народов.

В ответ на размещение в странах НАТО американских ракет первого удара, нацеленных на СССР и наших союзников, советское руководство объявило о принятии со своей стороны соответствующих ответных мер.

На мой взгляд, количественное увеличение ядерных ракет в Западной Европе негативно скажется на ее безопасности еще и потому, что автоматически увеличивается возможность случайного возникновения ядерной войны или, на худой конец, ядерных взрывов на базах и складах из-за технических неполадок, аварий и т. д. Нельзя исключать возможные неисправности компьютеров, их ошибки, ложные сигналы тревоги, наконец, психические аномалии и расстройства среди обслуживающего персонала и так далее. Как установлено, чем большее распространение получает ядерное оружие, тем труднее осуществить за ним надежный контроль, и риск неспровоцированной ядерной войны намного возрастает. Характерен такой факт: из 16 экспериментов с «Першингами-2», запускавшимися на полигонах США, 5 завершились неудачей. Ракеты отказывались выполнять заданную программу или взрывались в полете.

В операции размещения новых ракет на территории ФРГ, Италии и Англии Соединенными Штатами ставится задача не укрепления безопасности Западной Европы, а превращения ее в поле ядерного боя.

Пентагон рассчитывает вести войну за счет своих европейских союзников, ограничить театр военных действий Европой. Расчет состоит в том, чтобы эта война не коснулась американского континента. В специальной литературе, издаваемой в США, есть даже выкладки и подсчеты, сколько миллионов европейцев погибнет во время такой «ограниченной ядерной» войны и каковы будут «издержки» Европы... Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов заявляет по этому поводу: «Можно ли серьезно рассуждать о какой-то ограниченной ядерной войне? Ведь всем ясно, что действия агрессора неизбежно и немедленно вызовут уничтожающий ответный удар стороны, которая подверглась агрессии».

Некоторые западноевропейские правительства в угоду США добровольно подставляют свои страны и народы под такой ответный удар, который может оказаться роковым для них и вообще роковым для всей европейской цивилизации. Об этом сегодня со всей ответственностью предупреждает наша страна.

Однако выход из создавшегося тупика есть. Ориентиры к нему четко указывает руководитель нашей партии и государства К. У. Черненко: «Как только Соединенные Штаты и выступающие заодно с ними другие страны НАТО примут меры к восстановлению положения, существовавшего до начала размещения новых американских ракет в Западной Европе, за Советским Союзом дело не станет».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

О ПРИСУЖДЕНИИ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ 1984 ГОДА В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев предложения Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, постановляют присудить Ленинские премии 1984 года:

1. **Герасимову** Сергею Аполлинариевичу, народному артисту СССР, режиссеру,— за кинофильмы последних лет.

2. **Елизарову** Виктору Дмитриевичу, народному архитектору СССР, руководителю работы, **Бородаю** Василию Захаровичу, народному художнику СССР, **Согояну** Фридриху Мкртичевичу, заслуженному художнику Армянской ССР, скульпторам,— за мемориальный комплекс «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» в г. Киеве.

3. **Кариму** Мустаю (Каримову Мустафе Сафичу), народному поэту Башкирии,— за повесть «Долгое-долгое детство» и трагедию «Не бросай огонь, Прометей!».

4. **Мыльникову** Андрею Андреевичу, народному художнику СССР,— за «Испанский триптих» («Коррида», «Распятие», «Смерть Гарсиа Лорки»).

5. **Образцову** Сергею Владимировичу, народному артисту СССР,— за спектакли и фильмы последних лет. (Премия за произведения литературы и искусства для детей).

6. **Цигалю** Владимиру Ефимовичу, народному художнику СССР, скульптору, **Кананину** Роману Григорьевичу, **Хавину** Владимиру Иосифовичу, архитекторам,— за мемориальный комплекс «Героям гражданской войны и Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» в г. Новороссийске.

7. **Щедрину** Родиону Константиновичу, народному артисту СССР, композитору,— за произведения последних лет: оперу «Мертвые души», поэму для хора «Казнь Пугачева», «Торжественную увертюру» для симфонического оркестра.

Секретарь Центрального Комитета КПСС
К. ЧЕРНЕНКО

Председатель Совета Министров СССР
Н. ТИХОНОВ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

О ПРИСУЖДЕНИИ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ 1984 ГОДА В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Рассмотрев предложение Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР, Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР постановляют:

Присудить Ленинские премии 1984 года в области науки и техники:

1. **Васильеву** Герману Константиновичу, доктору физико-математических наук, заведующему лабораторией Института химической физики Академии наук СССР, **Тальрозе** Виктору Львовичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, заместителю директора того же института, **Ораевскому** Анатолию Николаевичу, доктору физико-математических наук, заведующему отделом Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР, **Маркину** Евгению Павловичу, кандидату физико-математических наук, старшему научному сотруднику того же института,— за цикл работ «Фундаментальные исследования химических лазеров на цепных реакциях», опубликованных в 1963—1978 годах.

2. **Кадомцеву** Борису Борисовичу, академику, директору отделения Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, **Шафранову** Виталию Дмитриевичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, начальнику отдела, **Погуце** Олегу Павловичу, доктору физико-математических наук, начальнику лаборатории, сотрудникам того же института, **Сагдееву** Роальду Зиннуровичу, академику, директору Института космических исследований Академии наук СССР, **Галееву** Альберту Абубакировичу, доктору физико-математических наук, заведующему отделом того же института, **Коврижных** Льву Михайловичу, доктору физико-математических наук, заведующему лабораторией Института общей физики Академии наук СССР,— за цикл работ «Теория термоядерной тороидальной плазмы», опубликованных в 1959—1980 годах.

3. **Долгоплоску** Борису Александровичу, академику, заведующему лабораторией Института нефтехимического синтеза имени А. В. Топчиева Академии наук СССР, **Тиняковой** Елене Ивановне, доктору химических наук, старшему научному сотруднику того же института,— за цикл работ «Металлоорганический катализ в процессах полимеризации», опубликованных в 1969—1982 годах.

4. **Реутову** Олегу Александровичу, академику, заведующему кафедрой Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,— за цикл работ «Исследования в области металлоорганической химии непереходных металлов», опубликованных в 1953—1982 годах.

5. **Рапопорту** Иосифу Абрамовичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, заведующему отделом Института химической физики Академии наук СССР,— за цикл работ «Явление химического мутагенеза и его генетическое изучение».

6. **Янину** Валентину Лаврентьевичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, заведующему кафедрой Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, **Колчину** Борису Александровичу, доктору исторических наук,— за цикл работ «Историко-археологические исследования Новгорода», опубликованных в 1978—1982 годах.

7. **Казакову** Николаю Федотовичу, доктору технических наук, заведующему кафедрой Московского авиационного технологического института имени К. Э. Циолковского, руководителю работы, **Лакину** Николаю Александровичу, старшему инженеру того же института, **Артемову** Николаю Степановичу, кандидату технических наук, директору тамбовского завода химического машиностроения «Комсомолец», **Котюргину** Евгению Алексеевичу, кандидату технических наук, начальнику отдела научно-исследовательского института, **Малевскому** Юзефу Болеславовичу, **Харченко** Геннадию Константиновичу, кандидатам технических наук, заведующим лабораториями Института электросварки имени Е. О. Патона Академии наук Украинской ССР,— за разработку и широкое внедрение в производство диффузионной сварки металлических и неметаллических материалов.

Секретарь Центрального Комитета КПСС
К. ЧЕРНЕНКО

Председатель Совета Министров СССР
Н. ТИХОНОВ

Да здравствуют Советы народных депутатов — подлинно демократические органы власти! Граждане Страны Советов! Активно участвуйте в управлении государственными и общественными делами!

Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1984 года

УТВЕРДИЛА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

интервью «огонька»

Много повидала земля самаркандская за два с половиной тысячелетия — именно столько насчитывает ее история. И вполне закономерен неиссякаемый всемирный интерес к древним реликвиям и самобытным памятникам культуры этой земли.

Но вот что характерно: гости, привычно заявляя: «...кто в Самарканде не бывал, тот Узбекистана не видал»,— теперь все чаще вкладывают в старое присловье свое восхищение новью здешних мест — плодами труда современных хозяев области.

Эта мысль не раз подтверждалась во время беседы председателя исполкома Самаркандского областного Совета народных депутатов С. Х. ХАМРАКУЛОВА с корреспондентом «Огонька».

— Синдар Хамракулович, вы руководите исполкомом областного Совета на территории, знававшей некогда Чингисхана, Тимура. В те времена немало строилось, но еще больше разрушалось... В ту пору царил произвол деспота, подобного, например, Султан-Хусейну...

— Да, как раз именно ему великий узбекский поэт Алишер Навои пытался внушить:

Высоким званьем человек
достоин зваться тот,
Кто о народе никогда
не ослаблял забот.

Однако безуспешно! И Султан-Хусейн поплатился за это многими бедами, как бы подтвердив справедливейшие слова Навои: «Тот, кто причинит народу зло,— себя погубит!»

— Вы уже почти двадцать лет здесь, можно сказать, на капитанском мостике... Что помогает в вашей работе идти верным курсом, ощутимо улучшать условия жизни и труда людей?

— Да сами же люди и помогают! Более десяти тысяч народных депутатов области—это, если продолжить образное сравнение, ударный гвардейский экипаж корабля. Ну и, конечно, сами избиратели, их наказы как определяющие вехи нашего курса.

Задумаемся: кто такие наши избиратели? Это в основном хлопкоробы и хлеборобы, животноводы и виноградари, создатели холодильников, киноаппаратуры, организаторы производства. А кто их избранники? Да люди этих же профессий, умеющие постоять за интересы общества! Это помогает местным Советам правильно решать самые насущные вопросы жизни, от которых зависит наш вклад в выполнение решений XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов ЦК КПСС.

— Какие вопросы характерны для нынешних повесток дня заседаний и сессий?

— Руководствуясь требованиями декабрьского (1983 года) Пленума ЦК КПСС, повсеместно изыскивают возможности дополнительного повышения производительности на один процент и снижения себестоимости на половину процента. Отсюда и конкретные меры по выполнению социалистических обязательств, экономии топлива и энергии, внедрению бригадного подряда и, конечно же, по созданию самых благоприятных условий для труда и культурного отдыха трудящихся, по строительству жилья, школ, больниц, кинотеатров, спортивных комплексов.

В речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища К. У. Черненко на апрельском (1984 года) Пленуме Центрального Комитета нашей партии, в материалах первой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва развернута программа улучшения использования богатейших возможностей советского народовластия, всей нашей политической системы. Исходя из этих проникнутых подлинно ленинским духом документов, облисполком будет неуклонно повышать роль местных Советов, народных избранников в решении задач хозяйственного и культурного строительства, укреплять связи депутатов с населением. В этом нам видится основа успешного выполнения планов на нынешний и завершающий годы пятилетки.

— Какова роль депутатов в решении задач, стоящих перед областью на 1984 год?

— Первостепенные наши задачи: хлопка-сырца необходимо произвести 500 тысяч тонн, зерна около 90 тысяч тонн, винограда 162 тысячи тонн. Объем капитальных вложений по объектам местных Советов составляет 25 миллионов рублей. В осуществлении намеченного роль Советов огромна. Народный депутат призван стать ведущей фигурой в налаживании хозяйственного механизма — в обеспечении фронта работ и реализации способностей каждого работника.

Думаю, что многое могут сделать депутаты местных Советов своим активным участием в осуществлении реформы общеобразовательной и профессиональной школы. И хотя на эту важнейшую работу отведено две пятилетки, ее надо начинать уже сегодня, продуманно, без «раскачки» (но и без излишней спешки) готовить базу, кадры.

И во всей своей работе каждый депутат — любого уровня — должен помнить об огромной ответственности, лежащей на нем. Ведь как представитель государства он призван отстаивать прежде всего общенародные интересы.

— При возрастающем объеме дел депутату нетрудно подчас и ошибиться?

— Чтобы избежать ошибок, надо твердо знать: в нашей работе мелочей нет, она совершенно не терпит поверхностного, некомпетентного, безответственного отношения. Хотя бы вот почему. Сегодня вы, не вникая в подробности, отмахнулись от решения квартирного вопроса, а завтра обиженный несправедливостью, расстроенный посетитель — ваш избиратель—начнет хуже трудиться. И еще, пожалуй, ошибка депутата, даже случайная, может быть истолкована как ошибка самого Совета. Если вдруг появится душевная черствость, а тем более самомнение, то не долго и до ЧП: отзыва депутата из Совета. Это — беда!

— Есть ли верное средство от нее?

— Есть! Оно в памяти, скажу точнее, в нетленной памяти о том, почему, как и зачем родилась Советская власть, какой этический и деловой кодекс завещал нам своим личным примером Владимир Ильич Ленин.

Требуется не только принимать посетителей, но почаще самому посещать тех, кто тебя избирал, знать их нужды, запросы, устремления. Собственно, такое решение и легло в основу нашей практики, так называемых «выездных заседаний исполкомов местных Советов».

— Им предшествует изучение наболевших вопросов?

— Разумеется! А затем уже принимаются конкретные меры на месте. Так регулярно делается в Ургутском, Джамбайском районах. Одно время из Иштыханского района участились сигналы о заболеваниях детей. Это стало неотложным делом постоянной комиссии областного Совета, возглавляемого главврачом второй больницы депутатом Н. И. Джабриевым. Тщательно продуманные профилактические меры, участие в выездном заседании специалистов Самаркандского мединститута помогли быстро нормализовать положение.

— Что нового в методах вашей работы?

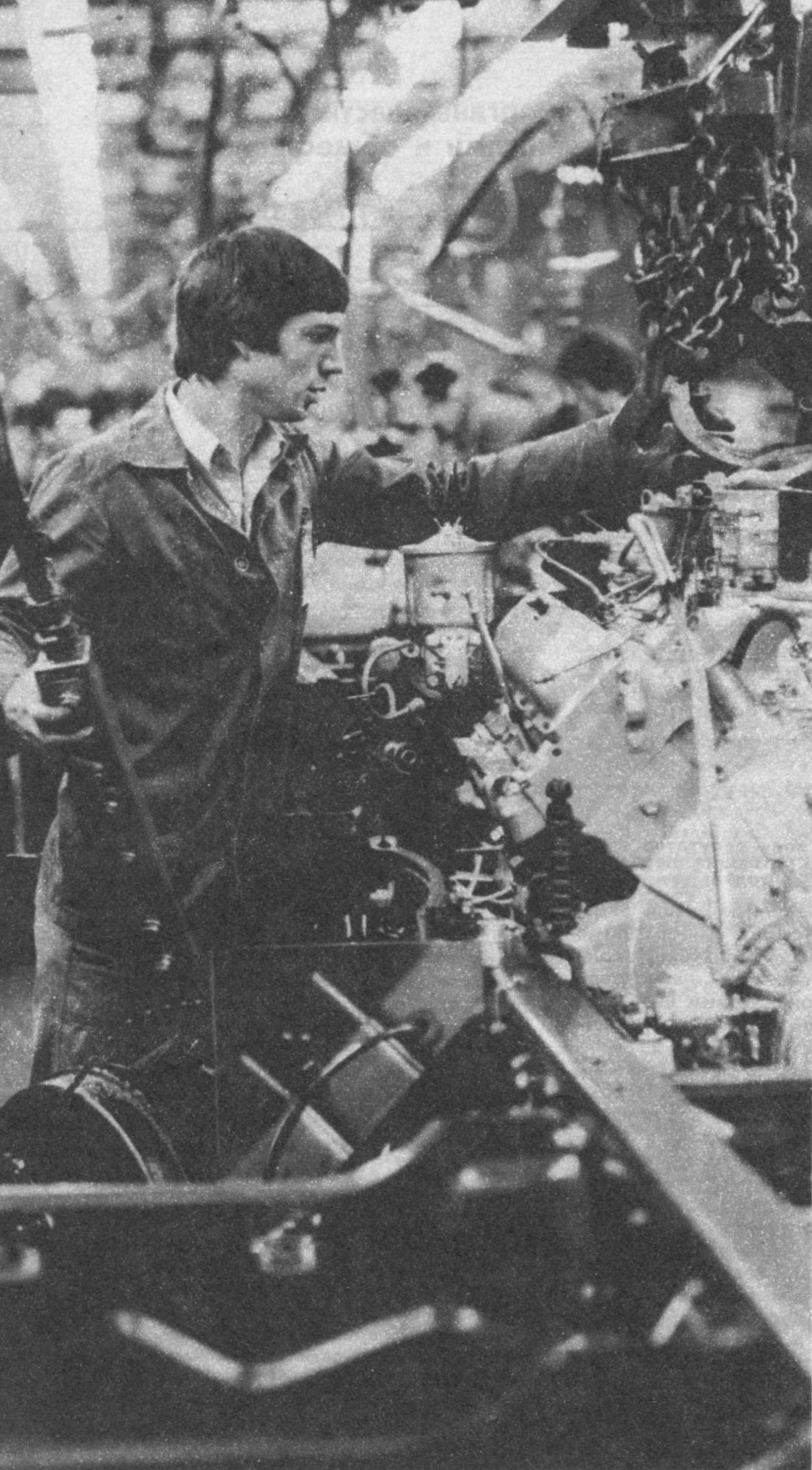
— Исполкомы местных Советов области с успехом практикуют выездные приемы граждан на предприятиях и в учреждениях. Немалый опыт в этом отношении у народных депутатов Багишамальского районного Совета Самарканда. Они по графику, удобному для горожан, ведут приемы на заводе «Красный двигатель» имени В. И. Ленина, в других производственных коллективах и организациях.

— Для экономии времени граждан?

— Не последнее дело! Четкость в работе исполкомов — это здоровый ритм в жизни кишлаков, поселков, городов. Мы всегда на виду у избирателей. И должны во всем соответствовать их представлению о народной, Советской власти.

Беседу вел В. КОСТЫРЯ.

СУББОТА РАБОЧАЯ, СУББОТА ПРАЗДНИЧНАЯ

Настроение в то утро у автозаводцев было воистину приподнятое: людей у проходной ЗИЛа встречали флаги, музыка репродукторов и новая зелень тополей. А в цехах — лозунги, и самый главный: «Мы придем к победе коммунистического труда!» — В. И. Ленин. Перед началом субботника — митинг, на котором выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин. Известные коллективу люди говорили о связи рабочих идеалов, прихода весны и традиций, заложенных когда-то на первом ленинском субботнике.

Скоро с опережением графика начали сходить с конвейера новехонькие грузовики. Уже к обеду выполнил производственное задание слесарь-водитель Герой Социалистического Труда А. Манахтин. Всего зиловцы отправили в тот день 154 грузовых автомобиля по адресу: республики Средней Азии. В перечне субботней продукции 500 холодильников и многое другое.

Москвичи трудились на своих рабочих местах, на улицах, в своих дворах, хорошо поработали на Поклонной горе, где будет мемориал, посвященный Победе советского народа в Великой Отечественной войне.

По предварительным данным, в стране 21 апреля вышли на коммунистический субботник более 157 миллионов человек: рабочие, ветераны войны и труда, студенты и учащиеся, техническая и творческая интеллигенция, солдаты и офицеры. Дружный коллективный труд стал источником продукции без малого на миллиард рублей.

Н. ШАТОВ

На снимках: 1. Субботник на ЗИЛе. 2. Поклонная гора, 21 апреля.

Фото Л. Шерстенникова и Э. Эттингера

ФОТО НЕДЕЛИ

В нашей стране проходят Дни польской культуры. В Центральном выставочном зале столицы развернута самая значительная из выставок, показывающая изобразительное искусство Польской Народной Республики.

На снимке: открытие экспозиции.

Фото А. БОЧИНИНА

ЧЕТЫРЕ ИЗ ЧЕТЫРЕХ

XIV чемпионат Европы по настольному теннису, собравший в Москве лучших на континенте мастеров маленькой ракетки, закончился триумфально для одной из его участниц — советской спортсменки Валентины Поповой. Она завоевала четыре золотые медали из четырех возможных. Сперва Валентина в составе команды, в которую, кроме нее, входили Нариэ Антонян, Флюра Булатова и Анита Захарян, получила свою первую золотую медаль, а затем ей были вручены еще три золотые медали в индивидуальном турнире: за победы в личном, парном (вместе с Нариэ Антонян) и смешанном разрядах.

Особенно большой интерес вызвало выступление Валентины Поповой вместе с тридцатипятилетним ветераном французом Жаком Секретэном. Этот советско-французский дуэт показал высокое мастерство, великолепную согласованность. Победа над сильной чехословацкой парой в финале — М. Граховой и И. Пански принесла им золотую медаль. Интересно отметить, что и Попова и Секретэн были капитанами своих команд.

На снимке: В. Попова и Ж. Секретэн.

Владислав ШОШИН

Развернем багряные знамена
У твоих, о вечность, берегов.
Всех друзей окликнем поименно,
Назовем презрительно врагов.

С высоты космического роста
На родные я смотрю места —
Широка Страны Советской поступь,
За мечтой сбывается мечта.

Первомай идет тропой зеленой,
И вступил в права солнцеворот.
И звучит над праздничной колонной
Слово громогласное — народ.

Наш народ. Шаги его крылаты,
С ним знамена выше поднимай!
С ним ясны судьбы координаты —
Мир и Труд, прекрасные, как Май.

«Дадим шар земной детям!». На улицах Будапешта. Фото МТИ — ТАСС

Илона ШЕБЕШТЬЕН,
председатель Всевенгерского совета мира

Мир—дело каждого

С весной и Первомаем у меня связаны особые воспоминания. В тот день, без года сорок лет назад, в нашей будапештской квартире появился советский солдат. В руках он держал буханку черного фронтового хлеба. Боец армии-освободительницы пришел в наш дом, страну с хлебом — символом добра и мира. А через несколько дней наступила Победа.

То был решающий момент, после которого в моей жизни многое переменилось, возникла, я сказала бы, новая точка отсчета. Я пришла в ряды партии, всем сердцем восприняла идею борьбы за правое дело. Именно переоценка ценностей, понимание того, какой дорогой ценой завоеван мир в Европе, привели меня в ряды активистов венгерского движения сторонников мира.

Небольшое село Пустовач — географический центр Венгрии. В августе третий раз подряд пройдет в Пустоваче фестиваль мира. На два дня на огромном поле вырастет палаточный город со своими площадями и улицами. Со всех концов страны приедут люди целыми семьями. Убранство этого города мира — плакаты, транспаранты, напоминающие о нависшей над человечеством угрозе, о решимости людей отстоять мир на планете. Выступят на фестивале мира музыканты и танцоры, известные эстрадные артисты. На ярмарке, обязательной для любого праздника, свои изделия покажут народные умельцы, а на «улице искусства» будут выставлены работы самодеятельных художников, скульпторов, графиков. Пройдут соревнования спортсменов, конкурсы охотников, парашютистов, пожарных. Мы приглашаем на праздник и молодоженов — пусть с мирного фестиваля начнется их новая жизнь, полная счастья. В прошлом году в Пустовач приехали полмиллиона гостей, нынешним летом ожидаем вдвое больше. Это лишний раз доказывает: сила борцов за мир в их единстве.

Мы последовательно выступаем за такое единство, готовы сотрудничать с народами Европы и всего мира. Однако средства массовой информации Запада стараются вбить клин в общее дело, никак не желая видеть людей разных стран вместе. При любом удобном случае о мирном движении в социалистических странах пишут, будто оно «санкционировано сверху». Ложь всегда была любимым инструментом буржуазной прессы. На все лады западные издания твердят, будто массовые шествия и акции возможны лишь в условиях «западной демократии». Измышления такого рода не имеют под собой никакой почвы. Что плохого в том, что выступления за мир в Венгрии, других социалистических странах поддерживаются государством? И разве может быть по-иному в странах, где власть принадлежит трудящимся, где народ и государство — понятия неразделимые?

Сто миллионов форинтов было собрано в Венгрии для детей Кампучии, чьи родители стали жертвой кровавого геноцида полпотовцев. На народные деньги построен недалеко от Пномпеня детский городок. Всевенгерский совет мира начал шефствовать над этой «столицей детей». Кампания по сбору средств продолжается — в далекую страну идут посылки с детскими вещами, игрушками, школьными принадлежностями. Мы всегда рядом с теми, кто отстаивает свободу и независимость в Африке, Азии, Латинской Америке...

...Приближается 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Благодаря этой победе четыре десятилетия Европа живет под мирным небом. Мы знаем, как нелегко далась Победа. Вот почему так важно отстаивать мир и теперь, в послевоенные годы. Каждый такой год становится вехой созидания, продолжением ленинских традиций в наши дни.

Н. Дрючин. Род. 1918. ИВАНОВО ПОЛЕ. 1983.

В. Соколов. Род. 1923. ЗЕМЛЯ ЖДЕТ. 1973.

Емилиан БУКОВ

ИЗНАНКА ВСЕЛЕННОЙ

ПОЭМА

1

Неужели
они существуют?
Осязаемо,
вещно,
на деле,
как рубаха на собственном теле,
наяву — не во сне,
неужели?
Как трава по весне,
как на ветке листва,
существуют они,
так сказать,
существа?
Если да,
то откуда возникли они?
И когда?
И в какие пещерные дни?
Кто их мать, кто отец?
Злоба?
Пушки?
Свинец?
Клубы дыма, огня —
уж не их ли родня!
На каком таком тесте
замешать их могли?
На расправе?
На мести?
На слезе?
На крови?
Из какого же семени
страшный род их пророс?
Безответственность времени?
Или метапсихоз?
Как бы ни было, знаю:
существует доподлинно
у Вселенной изнанка
человекоподобная.
Человекоподобные
всё навыворот делают:
вверх корнями пытаются
посадить в землю дерево.
В яму с грязью зловонной
вниз ветвистою кроной
опускают растение...
И повисли растерянно
вдоль ствола корешки —
на ветру,
на свету
естеству
вопреки.
Но не все получается
только лишь кулаками.
Вот они и вгрызаются
в камень знаний клыками.
Алчут знаний, как крови!
Потому и прилежны,
чтоб зарытая крона
расцветала, как прежде.
Чтобы в рабстве и муке
древо плодоносило...
Так вот силу науки
превращают в насилье!
Чтоб на дереве жизни
птицам гнезда не вить,
чтоб его корневища
кровью алой залить.
Все продумано четко,
по науке грабеж:
суперхлесткая плетка,
сверхпронзающий нож.
Ну, а тем, кто не хочет
перевертышем жить,
существам наизнанку
днем и ночью служить,
тем, кто тянется к свету,
кто свободен душой,—
на земле места нету
по науке такой.
И растут аппетиты
все сильней и сильней —
так живут троглодиты
сегодняшних дней...
Отыщи-ка, поди ты,
картину мрачней!

* * *

А где-то, а где-то,
вся в солнечном свете,
пахучая липа
росла на планете.
От шороха листьев,
от птичьего гама
она возвышалась
собором органным.
Но ветер-проказник
нарушил момент:
он тучке-летучке
сказал комплимент.
И походя,
что-то такое свистя,
на дерево влез,
как шальное дитя.
То липу подразнит:
«Листву оборву!»
То с видом серьезным
считает листву:
«Один, два... четыре,
четыре и пять...»
Сбивается...
Вновь начинает считать.
Увы, счетоводом
он вышел плохим,
и весело птицы
смеются над ним.

2

Но что там стряслось?
Это что еще за
неслыханное безобразие?
От возмущения даже глаза,
пардон,
на лоб повылазили.
Представьте себе:
какой-то народ
жить наизнанку не хочет,
как прежде,
словами о мире глотку дерет,
о равенстве,
братстве,
любви
и надежде.
Как тут
не заткнуть
народику
рот,
чтобы другим неповадно было.
А кляп — на выбор,
какой подойдет:
подкуп,
шантаж,
военная сила!
Лишь бы понял
строптивый народ:
дерево только тогда и растет,
если его посадить вверх корнями,
так, чтобы крона покоилась в яме,
то есть по-нашему:
наоборот!

* * *

Не далеко, не близко
над зеркалом воды
склонили ветви низко
вишневые сады.
Сквозь солнечные блики
пробился добрый свет:
весенние снежинки,
апрельский первоцвет.
И кажется, что снится
прекрасный этот сад...
А сказочной жар-птицы
так перья и летят!
Весна глядит как будто
в упор
в лицо твое...
И шевелятся губы
вишневые ее...

* * *

А по эту сторону
голубой реки —
головы ученые
(проще «котелки»)
мыслят (проще «варят»)
думу лишь одну:
как бы попожарнее
сочинить войну.
Ну, а кто откажется
думать о войне,
сразу же окажется
вне закона, вне
хоть какой защиты
общества навыворот:
так что не взыщи тот,
коли будет выпорот.
Это в лучшем случае,
ну, а в худшем случае,
ну, а в худшем что ж?
Пулю в лоб получит
или в спину нож.
Совесть?
— С нею сделка.
Кровь?
— Ведь не своя...
Лишь бы сейф толстел, как
к рождеству свинья.

* * *

Ребенок схватился за солнечный
лучик,
и вытянул солнышко он из-за тучи.
Бежит по земле
и, словно шутя,
как шариком, солнцем
играет дитя.
И так улыбается
чисто, светло,
что рядом с ним дерево
вдруг
расцвело.

3

Вот пришло да и стукнуло
это времечко...
Прямо в темечко!
Поздно: рук не отмыть,
виноватому быть!
Ни к чему отпираться...
Потихонечку,
помаленечку
разворачивается
операция...
Тишина не успела опомниться,
как по небу по черному
пронеслась крылатая конница
чертовая!
Нет, глаза протирать не надо,
нет, не сон это все, а быль:

НЕТ—ВОЙНЕ!

Композиция Е. ШУКАЕВА

термоядерного распада
покрывает планету пыль.
Существа наизнанку —
в шоке
(хорошо как им, хорошо как!).
В шоке радостном, разумеется:
разрушения раз имеются.
В шоке радостном пребывают:
раз людей та пыль убивает.
Ведь для них в итоге конечном:
человечество — человечина!
И поэтому вывод и выход один:
существо наизнанку
всему господин.
Остальное — твари,
убивай,
жги,
остальное — не смей,
не хоти,
не моги!
Ихтиозавры
сверлят океаны,
и тиранозавры
сушу грызут...
И набивают убийцы карманы,
не утихает разбойничий зуд.
Но все же ледник равнодушия
стаивает,
голос бесстрашных будоражит
эфир:
мир не выпрашивают,
мир отстаивают
в бескомпромиссной борьбе
за мир!
Слова полезны...
Но километры
самых дельных и вежливых слов
сказаны будут,
как говорится, на ветер —
для вывернутых
наизнанку
голов.
Для этих существ
посущественней нужен
аргумент: военный прогресс.
И все же при равной силе оружия
сила духа —
всегда перевес!
Сила правды — вот преимущество
над убийцами всех мастей.
Сила единства — это могущество
даже ограбленных до костей.

4

Возможно ли, чтобы
у всех на виду
целый народ шел в поводу?
Слышу в ответ
твердое «нет».
Возможно ли, чтобы
целый народ
чувствовал, жил
наоборот?
Слышу в ответ
твердое «нет».
Возможно ли, чтобы
вдруг без следа
целый народ исчез навсегда?
Слышу в ответ
твердое «нет».
Это люди моей земли
шире открыли свету глаза.
Это они дорогой легли
для необычайного колеса.
Необратимо,
неотвратимо
только вперед
Истории ход.
Но существа наизнанку не спят,
им повернуть бы Историю вспять.
У колеса так и снуют:
палки-ракеты в спицы суют.
Мало в том толка...
И все же момент
остр, как иголка —
быть или нет?
Быть или нет
просторам полей,
крикам летящих вдали журавлей...
БЫТЬ ИЛИ НЕТ
озерам, лесам,
птицам,
зверью,
комарью,
небесам!..
Быть или нет
планете людей,
быть или нет
любимой моей...

* * *

Из всех озер на свете
я выбираю эти —
два озера прекрасных,
загадочных... И ясных:
в них солнышко искрится,
их берега — ресницы.
По мне — я выбрал лучших,
два самых неразлучных.
Чаруя и маня,
они влекут меня
своей голубизной,
прозрачной глубиной.
И хочется нырнуть,
отринуть всякий страх,
навеки утонуть
в любимых тех глазах...
...Он и она — сюжет,
как жизнь сама, извечен.
Влюбленных силуэт
очерчивает вечер.
И в лунной тишине
такое настроенье,
что думать о войне
почти что преступленье.
Вот именно — «почти»...
Учти поправку эту,
возьми, купи газету
и новости прочти...

* * *

Раскаленное катится колесо...
Словно спички,
горят его спицы.
И кричит чье-то вывернутое лицо:
— Караул! Спасите! Полиция!
Из-под алого обода, тьму разя,
протуберанца
язык возник...
Так это же солнце!
А солнце нельзя
остановить
даже на миг.
Вот уже огненный шар в небесах:
полдень
на всех полюсах и часах!
Самое время решительных
действий:
только все вместе,
только все вместе!
Бой продолжается:
дрогнул враг!
Тверже шаг,
выше флаг!

5

Наблюдать за пчелой я часами
готов,
когда кружит она над поляной
цветов,
вековая забота ее хороша —
и как будто спокойнее
стала душа.
Я люблю на заре постоять
у Днестра,
где природа воистину к людям
добра...
Свои воды проносит река
не спеша —
и как будто спокойнее
стала душа.
Подниму виноградинку к свету,—
она
мне до самой до косточной сути
видна,
потрясу — колокольчика песня
в ушах,—
и как будто спокойнее
стала душа.
Не с винтовкой, а с деревом
к людям иду.
Подыщу ему место
в поредевшем саду,
чтоб оно, как солдат,
берегло земной шар,—
и как будто спокойнее
стала душа.

Перевел с молдавского
Виктор ЧУДИН.

СОЮЗ ВЕСНЫ И ТРУДА

Николай БЫКОВ

Едва ли не лучший в году месяц — май. Первоцвет, первогром и любимый праздник, который так и называется — Первомай. Прекрасная пора. Череда майских праздничных дней утверждает союз весны и труда. Связует прошлое с будущим, знаменуя безусловную победу нового над старым, холодостойким, рухнувшим под натиском солнца. Зеленый шум и половодье — естественные приметы безудержного торжества жизни, обновления в природе и наших буднях.

Праздник 1 Мая—праздник тех, кто весну исповедует как доказательство необоримого движения живой жизни к лучшему, плодоносному. Сегодня не кажется случайным, что именно этот день трудящиеся выбрали для демонстрации своей силы, показали способность сплотиться во имя общих интересов, под флагом классовой борьбы. Солидарность рабочих всего мира — несменяемый пароль с далекого 1 мая 1886 года, когда рабочие Чикаго вышли на улицу с лозунгом удовлетворить их требования, вышли единой колонной. А в 1890 году Первомай под красными флагами уже отмечался почти по всей земле. Был четверг, но рабочие, верные идее солидарности, интернационального братства, отказались работать в тот день во многих странах Европы в память тех, кто бастовал в Чикаго, кто остался лежать на его улицах...

Такова история. Таковы сильные родники сегодняшнего первомайского половодья. С весны 1917 года первая в мире страна рабочих и крестьян отмечает Первомай открыто, свободно. Тайные маевки остались в песнях, подвиги первых знаменосцев становились постепенно легендами. Но весны не кончались. Весны вновь и вновь возвращались на землю. И каждый раз с ними приходил к нам день братства народов, день борьбы за мир.

Пламенные лозунги классовой борьбы сберегает память, их сменили лозунги нашего дня. Они пишутся на том же нелиняющем кумаче. Только поднимают их, как новую клятву, уже потомки первых демонстрантов. А еще у всех у нас на памяти подвиги солдат весны, одолевших фашизм, и массовый героизм пахарей-первоцелинников...

Лучше нет, как выйти в дорогу весной. Солнце в путь, и ты с ним вместе! Мы только что проводили в такую дальнюю дорогу следующее поколение молодых энтузиастов. Их встретят черемухи, тюльпаны, кедры и в нечерноземной деревне, и за Обью, и на бамовской станции Кунерма по пути к Байкалу, и на солнечном выходе из Северомуйского тоннеля... Для тысяч юношей и девушек, посланцев комсомола, нынешняя весная — стартовая. Старт на всю последующую жизнь. Пятилетка встречает и принимает на работу ударные отряды.

И весна их встречает! Весна и труд всегда шагают рука об руку. В молодости шагают и в конце житейского пути, если жил человек по правде, по совести, не изменив первомайским песням демонстрантов и жаворонков над полем новых всходов. А так прожить, не изменяя себе, совсем еще юному, непросто. Может помочь память истоков, верность идеалам, провозглашенным когда-то на маевках за городскими заставами.

Давно уже Страна Советов не подросток, как однажды назвал ее поэт революции. Наша весна обходит удивительные города и обновленные веси, она поднимает к звездам интернациональные экипажи космических кораблей, а такую богатырскую плотину, как Саяно-Шушенская,— к отметке 242. Весной начался и последний переход строителей БАМа — последние 200 километров, оставшиеся до «стыковки» среди тайги и скал,— они будут свидетелями укладки «золотого звена» 7 ноября 1984 года. Золотой стык — главное в обязательствах коллективов бамовцев, одобренных незадолго до Первомая Центральным Комитетом КПСС.

Так советские люди отпразднуют встречу нынешнего Первомая и 67-й годовщины Великого Октября. Тоже символично, хотя и вполне реально, буднично, как реальны планы страны и обязательства тех, кто делает жизнь своими руками.

И мир, и труд, и май, и поэзия — все это стихии одного-единого процесса жизни. Жизни как весеннего обновления всего человечества. Чтобы осуществлять свое конституционное право на труд — свободный, творческий, общественно полезный,— необходим мир. Миру — мир! Это и первомайский лозунг.

А. ПОПОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА

Очарованное сердце

— Хлопцы, да разве ж так робят! Куда вас бисы гонят?! — рокотал густым басом Карпенко.— Оставайтесь поболе... посидим, погутарим. Вечером сходим послухать, як лиман балакает. Вот где ж песня! Вот где весна!.. Так что, по рукам?! — И он с размаху защелкивает мою ладонь, словно в капкан, своей пятерней.

Впрочем, машинист экскаватора Карпенко, кажется, помнит, что силушка в нем немеренная, если, железом сковав мои пальцы, тут же осторожно и мягко отпускает их. Деликатный человек.

Он неторопливым медведем ходит по двору, шумно отдувается, обмахивается кубанкой. Жарко. Солнце в затишке каменного карпенковского дома припекает по-летнему. Хозяин давно уже снял свой пиджак пятьдесят восьмого размера, расстегнул все пуговицы рубашки и закатал рукава. Но все равно ему неймется. Крупное лицо увлажнилось, раскраснелось, на лбу блестят капельки пота.

— Эх, в степь бы сейчас! В степь! — хлопает, как из ружья стреляет, он шапкой о колено.— Молодым хлопцем был, коней пас... О времечко было́! На зорьке доброго коня обротаешь, в седло вскинешься... И в намет. Летишь, роса дымится под копытами. Небо красное — вот, вот... На кургане взметне́шься: «Здорово, солнце! Ты ба-а-чишь меня!» И солнце улыбается мне, и степь звенит птичьим граем, и станица петухами откликается... А простор кругом! Аж дух перехватывает.

— Давно это было?

— Да не очень... годов двадцать пять — тридцать тому назад! Правда, многое поизменялось с тех дней. И степь распахали, и я уже совсем-совсем сивый стал... А вот душа у человека не меняется, не-е! — мотает головой Карпенко.— Як приходит весна, на простор тянет, не могу в хате сидеть. Обычно работу кончаю, и на лиман... До места придешь, камыш пригнешь, сядешь, як на циновку, и слухаешь: там лысуха гу-гу-гу, там рыба — плесь! — из воды за мошкой выпрыгнет, там гадюка — шу-ух! — мелькнет, як черная молния, за корягу... или утки в небе просвистят. Лю-ю-бо!

Колоритный человек этот Карпенко. Мне он почему-то сразу напомнил дядю Ерошку из «Казаков» Толстого. И я спрашиваю:

— Андрей Андреевич, а ружье с собой берете?

— Зачем это? — вскидывается он.— Зачем ружьем красоту порушать? Мы же на земле живем, а землю надо слухать, сохранить и побачить все на ней... Я сына, когда в армию провожал, за этим до лимана не раз водил. Чтоб он помнил, якие у него дома дюже богатые места остаются, и знал, за что, если придется, ружье в руки брать... А нам ружье не треба,— добавляет еще раз Карпенко,— наше дело на земле робить, красу ее нянчить...

— Как это? — прервал я его.

— Да просто! — чуть удивленно воскликнул он.— Голова зачем дана человеку — думать... А руки — чтоб делать. Так делай вперед свое дело крепко, як в кузне, и всем хорошо будет. Дома порядок, на службе порядок — хорошо жить станем...

Мы невольно еще раз огляделись. За свой дом, или, как на Кубани старики говорят,— курень, Карпенко, видно, краснеть не приходится. Курень — капитально сработанная из красного кирпича хоромина. Рядом, тоже каменный, летний прирубок. Двор чисто выметен, деревья в саду уже окопаны, палисадник выкрашен — во всем чувствуется заботливая хозяйская рука.

Ну, а как он работает, говорить не приходится. Карпенко уже давно машинист экскаватора. Чистит каналы для рисовых чеков. Такую технику и такое дело плохому работнику не доверят.

...— И еще есть одна у меня заветная думка,—продолжает Андрей Андреевич, хитро щуря зеленые глаза.— Я все за наш лиман думаю. Последний он остался в здешних местах... Неужели и его осушат? В Казахстане, гутарят, есть степь заповедная. Ее не трогает человек, оберегает. Это чтоб наши потомки знали, какой земля в первородстве была... Так почему бы и наши плавни — хоть ма-а-хонький кусочек — не оставить заповедными? А? Вот мы съездим вечером туда, послухаем... С очарованным сердцем вернетесь.

...Съездили мы вечером на лиман, увидели, как отходит ко сну таинственное древнее царство плавней. Услышали, как режут со свистом крыльями воздух чирки, гукает выпь, плещется сонная рыба... и учащенно бьются наши сердца.

Краснодарский край,
ст. Старонижестеблиевская.

Выпускницы Московской консерватории: Елена Пухова — композитор и Ирина Кабардинская — певица.

Фото А. Награльяна

Накануне диплома

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Симфония ли, песня ли — всегда образ.

В творчестве композитора, творящего музыку, образ — явление особенно сложное: итог глубоко скрытого, непрерывного душевного труда.

Советская музыка необыкновенно богата, широка, интересна именно своим образным содержанием, всегда идущим от жизни народа, жизни человека. При этом каждый художник ищет свое, у каждого свои корни, свои истоки. Каждый прокладывает свой собственный путь в царство музыки, в искусство.

Написать музыку нелегко. Но не менее трудно донести авторский замысел до слушателя. И очень важно для произведения, для самого композитора найти своего, обязательно своего по духу, по восприятию, проникновению исполнителя, который сблизится с образной сутью музыки, даст образу жизнь на сцене или эстраде... Примеры тому можно сыскать не только в музыкальных театрах и филармониях страны с их серьезнейшим творческим составом, но в музыкальных студиях, даже в училищах... И, конечно, в консерваториях — там, где готовятся основные ведущие кадры.

Прославленная Московская консерватория издавна выпускала и выпускает талантливых композиторов, исполнителей, музыковедов...

Студенты за пять лет серьезнейшей работы оттачивают художественные дарования и, наконец, получают путевку в жизнь.

С понятным волнением готовится к своей решающей, выпускной весне 1984 года талантливая молодежь. Близится событие важнейшее — диплом. Все остальное в эти дни отступает в сторону.

И все-таки мне удалось поближе познакомиться с молодым композитором Еленой Пуховой и певицей Ириной Кабардинской... Они позволили проникнуться их серьезными заботами, узнать историю становления ныне уже созревшей и явственно обозначившейся индивидуальности.

Но, конечно, откровенный разговор начался далеко не сразу.

Когда я спросила Лену, что она считает самым важным, самым существенным в своей музыке, Лена ответила совсем коротко:

— Связь с народной песней. Фольклорное начало. Его ищу везде.

Немногоречивой была и Ира. Она сказала:

— Быть на сцене правдивой — главное.

Тогда я предложила объединить композитора с певицей: Лена будет играть свои произведения, Ира — петь, а я — слушать и вникать.

Девушки согласились.

Наш — домашний на сей раз — концерт начался «Песней без названия», которую Лена сочинила на прекрасные стихи поэтессы Людмилы Татьяничевой.

Полилась музыка — лирическое, поначалу без слов, задумчивое

вступление к главной теме, а потом и ее воплощение:

Мне бы только суметь,
Мне бы только успеть
О народе своем
Полным голосом спеть!..

Тут именно они и объединились — и автор и исполнительница сочинения, проникнутого живым чувством душевной близости.

Вслед за «Песней без названия» я услышала песню совсем иную. Лена ездила в фольклорную экспедицию, записала старинные тексты и на их основе создала свое собственное произведение, столь же искусное, сердечное:

Ой да хорошо было свыкаться,
Хорошо было свыкаться...
Горько расставаться!
Расставаться с другом
со любезным...
Расставались душа с телом,
Так и я, дружочек, с тобою,
С умной головою...

Заключительные аккорды полны сердечной боли. Образы горькой, прощальной песни возникают словно сами... Песня, подаренная народом, осталась глубоко народной, не утратила своей древней изначальной сути. Но когда молодые художники сберегли и щедро воспроизвели ее, одна в нотных знаках, а другая в живом, скорбью проникнутом голосе, песня стала явлением искусства. Отныне она получила еще нечто такое, что, пожалуй, даже и названия не имеет. Песня зазвенела, заплакала, загоревала, наполнившись и оттенившись присущим ей глубоким внутренним содержанием.

Но вот, как бы взамен этой скорби, «Свадебная». И все в ней приглашает к разудалому веселью, к лихой пляске с бубенцами, с припевками:

Меня милый замуж звал,
Своей ладой называл!..

Однако и здесь — склад жизни, вкус жизни...

Жаль, не упомянешь всего, что довелось услышать, чему светло и живо откликнулась душа...

Удивительной, чистой добротою проникнуты Детские песни... А в заключение была исполнена озорная, задиристая, размашистая и разудалая песня на такие же лихие, страстные, неудержимо летящие стихи Шиллера: «Мужицкая серенада». Трудно передать поистине «мужицкое» ликование этой «серенады», которая, однако ж, при всей своей внешней грубоватости полна самого искреннего, распахнутого чувства:

— Дура, выгляни в окно:
Ах, тебе не жалко?
Я молил, я плакал, но —
Здесь вернее палка!..

Увы, «нежные» призывы парня к возлюбленной остались неуслышанными. Ну, тогда уж парень вовсе вышел из терпения: «Дождь и ветер! Шут с тобой! Баста! Я пошел домой!..» И на этом наш импровизированный концерт закончился.

Однако не кончилась встреча. Мы пили чай, и девушки рассказывали о себе, о своей жизни... Лена — москвичка. Ира из Ярославля родом, петь начинала еще в школе, в самодеятельном коллективе. Лена с детства сочиняла музыку, потом увлеклась композицией всерьез. Ныне она уже преподает композицию детям.

Ира многое успела: с большим успехом исполнила партию Любаши в «Царской невесте» Римского-Корсакова. Она мечтает о театре и готовится к выходу на сцену в образе Ольги из «Евгения Онегина». ...Как она сказала, ей всегда интересен другой человеческий мир, другая стихия роли, другое внутреннее состояние... А у Лены, не говоря уж о том, что, будучи музыкантом, она даже мыслит музыкой, есть еще, пожалуй, несколько необычное увлечение: Лена, инструктор горного туризма, водит молодежь в далекие туристические походы. В ее дипломе (это Поэма-концерт для валторны и симфонического оркестра), может быть, живет далекий отзвук гор...

— Ну, а самое-самое заветное желание?..

Ира опять твердо повторяет:

— Быть театральной певицей. Работать только на сцене!

Лена же задумывается. Потом говорит:

— Хотела бы написать оперу для Московского детского музыкального театра.

Мне осталось только пожелать девушкам, отличницам консерватории, чтобы все у них сбылось. Чтобы жизнь всегда успешно шла в их нелегком, требовательном и высоком труде, который уже сам по себе есть счастье.

А на следующий день я обратилась к научным руководителям выпускниц с просьбой дать как бы уже официальную их характеристику. Оба известнейших музыканта очень высоко оценили труд и старание, несомненный талант обеих студенток.

Нина Львовна Дорлиак полностью согласилась с моим впечатлением, которое произвела молодая певица Ира Кабардинская:

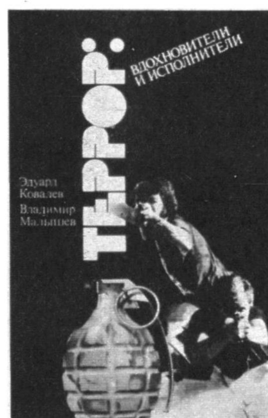
— У Иры прекрасный, даже редкостный, очень красивый голос. Ее меццо-сопрано имеет всегда особое звучание: она наполняет его живыми оттенками, которые и нужны роли. Она в партии Любаши одна, в партии Ольги — совсем другая. Кстати, Ира будет петь Ольгу в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — это ее диплом. И хоть она еще робеет, но бояться ей вовсе нечего; она артистична, сценична, ее пение свободно, как дыхание. Притом она очень целеустремленна, прилежна и трудолюбива... Немаловажно то, что Ира — хороший товарищ, человек слова.

Высоким был и отзыв Тихона Николаевича Хренникова о его ученице. Он сказал:

— Лена Пухова — талантливейшая девушка, по-настоящему творческий человек, глубоко мыслящий в музыке. Точнее, она прирожденный музыкант. Буквально обожает фольклор, народное начало. Очень успешно работает с детьми.

Все годы в консерватории отличница. В дальнейшей работе будет таким же надежным, серьезным человеком. Кстати, она лауреат Всесоюзного конкурса молодых композиторов. Ее камерная сюита «Владимирские рожечники» была отмечена второй премией, а вокальный цикл — четыре русские песни — получил третью премию. Но сама-то Лена об этом вряд ли скажет...

ПОЛИТИКА ТЕРРОРИЗМА

16 марта 1978 года высокий, сутуловатый человек с усталым лицом вышел из своего дома на корсо Трионфале. Под мышкой он держал кожаный портфель с документами. Человек этот очень спешил: его ждали на заседании итальянского парламента. Он сел на заднее сиденье своего «Фиата-130», и машина помчалась по улицам Рима. Через несколько минут совершится одно из гнусных преступлений века — похищение Альдо Моро, видного политического деятеля Италии, председателя национального совета правящей христианско-демократической партии. А 9 мая того же года в багажнике легковой автомашины будет найден труп Альдо Моро... Это лишь одна из целого ряда драматичных историй, рассказанных в только что вышедшей книге Э. Ковалева и В. Малышева «Террор: вдохновители и исполнители».

Когда совершается убийство, преступники стараются остаться неизвестными. Но это относится не ко всякому преступлению. Политический терроризм, проникающий во все поры социальной жизни капиталистических стран, заявляет о себе открыто и во всеуслышание. Еще не успеет развеяться шлейф порохового дыма очередного террористического нападения, как в редакции газеты или полицейском участке раздается телефонный звонок с сообщением, что такая-то организация берет на себя ответственность за новое преступление.

Однако такая самореклама больше говорит не об открытой игре, а о маскировке и сокрытии истинных убийц — тех, кто направляет и использует в своих целях послушных исполнителей. Кто же они, террористы, что они исповедуют, кто стоит за их спиной? Об этом и рассказывается в книге Э. Ковалева и В. Малышева.

Опасна сама тенденция роста экстремистских выступлений, их изощренность и изуверство. Авторы отмечают, что число убитых вследствие террористических актов в различных странах мира составило в 1969 году 29 человек, в 1972 году — 145, в 1974 году — 315, в 1976 году — 402, в 1978 году — 432, а в 1979 году — 587. В 1980 году количество убитых по сравнению с 1979 годом возросло в пять раз. Такова статистика деятельности корпораций убийц.

Политический терроризм многолик и имеет долгую историю. Авторы ограничиваются одним регионом — Западной Европой, «наиболее тесном из всех «домов» человечества». Давно в Европе закончилась вторая мировая война, но и сейчас то тут, то там раздаются оглушительные взрывы бомб, поднимающие в воздух жилые здания и вокзалы, легковые автомобили и автобусы, звучат одиночные выстрелы и автоматные очереди. Льется кровь на улицах западноевропейских городов, кровь невинных людей: стариков, женщин, детей.

Книга «Террор: вдохновители и исполнители» состоит из ряда глав, в которых в занимательной, интригующей форме говорится о преступлениях экстремистов в таких странах, как Греция и Испания, Португалия и Италия. Это и понятно, ведь Э. Ковалев и В. Малышев были корреспондентами ТАСС в Португалии и Италии и досконально знают все перипетии террора в странах Южной Европы. Они не только показывают с документальной точностью, как орудуют террористы, но проводят тщательный анализ тайн заговоров, шаг за шагом раскрывают подоплеку политических убийств, показывают их истинных вдохновителей.

«Феномен терроризма,— пишут авторы,— возник в современном западном обществе закономерно, как следствие действия капиталистических, эксплуататорских общественных отношений. Причины широкого распространения терроризма на Западе видятся прежде всего в тех острейших противоречиях, которые раздирают мир капитала, схваченный глубоким экономическим, социальным и духовным кризисом. Они кроются в самой классовой структуре капиталистического общества, в его вопиющем социальном неравенстве. Массы безработных, молодежи, только что вступающей в жизнь и уже лишенной надежд на будущее, переехавших в города разорившихся крестьян, люмпен-пролетариев, массы бедствующие, охваченные разочарованием и отчаянием,— вот питательная среда возникновения и роста экстремистских группировок, почва для... терроризма».

За дымовой завесой правого и «левого» террора Э. Ковалев и В. Малышев обнаруживают ту преступную руку, которая дергает за ниточки послушных марионеток. Вспомним, что в 1981 году только что пришедший к власти новый хозяин Белого дома Рональд Рейган провозгласил в качестве основы своей внешней политики борьбу с международным терроризмом. Во всех грехах капиталистического мира усматривая «руку Москвы», администрация США беспочвенно обвинила Советский Союз в поддержке террористов. Однако, как говорят, на воре шапка горит. Именно Соединенные Штаты, а конкретно агенты ЦРУ разрабатывают и направляют деятельность экстремистских организаций, не брезгуют никакими средствами для достижения своих целей.

Проблемы, поднятые авторами книги, актуальны и злободневны. Терроризм принимает все более широкие и угрожающие формы. Вот и сейчас мы являемся свидетелями того, как Соединенные Штаты ведут настоящую террористическую войну против народа Никарагуа, минируют мирные воды, совершают акты диверсий и нападений, руководят действиями контрреволюционеров - сомосовцев. Это и есть международный терроризм, возведенный американской администрацией в ранг государственной политики.

В. ДУНАЕВ

Эдуард Ковалев. Владимир Малышев. Террор: вдохновители и исполнители. М., Политиздат, 1984. 223 с.

Когда нет крова над головой.

ПРЕЗИДЕНТ И НИЩИЕ

Фото ТАСС

Александр ПАЛЛАДИН

Североамериканцы — народ предприимчивый. К превратностям судьбы стойкие. Несколько лет назад в Канаде мне привелось слышать про безработного, который нашел выход из положения, открыв платную консультацию для таких же изгоев, как и он сам. Рональд Брикер того же замеса. Пока пять тысяч его товарищей по несчастью с закрытого сталелитейного предприятия мокли под ливнем на одной из улиц Хьюстона, отводя душу криками: «Рейгана—обратно в Голливуд!»— Брикер преодолел цепи полицейских и охранников и, представ пред удивленные президентские очи, протянул ему челобитную: «Я — имярек, 39 лет от роду, телом и душой здоров, всю сознательную жизнь верой и правдой служил корпорации, но получил расчет. Согласен на любую работу, только предложите!..». Спохватившиеся телохранители разъединили двух Рональдов, и тот, что заехал в Хьюстон себя показать и людей посмотреть, одарил того, что взывал к нему о помощи, стандартной улыбкой американцев, уверенных в завтрашнем дне. Брикеру осталось лишь гадать насчет смысла улыбки своего мимолетного визави.

Оказалось, игра стоила свеч. Президент не только осчастливил назавтра безработного просителя телефонным звонком, но и на самом деле посодействовал ему в возвращении к трудовой жизни. Пресса раструбила об импровизированной аудиенции на всю страну, и уже через несколько дней Брикер числился электромонтером в «Радио Шэк»: «Парень пробивной, раз прорвался к самому президенту,— рассудили в компании,— будет работать на совесть. А нам в любом случае — бесплатная реклама на всю страну». Счастливчику же достало совести и в минуту радости не забыть о себе подобных. «Надеюсь, президент помнит о том, что, кроме меня, в штатах миллионы других безработных»,— во всеуслышание сказал Брикер, после долгого перерыва перестав быть нахлебником в собственной семье.

Многие из упомянутых им людей влачат полунищенское существование в той же Пенсильвании. Многие, как Брикер,— оставшиеся не у дел сталеплавильщики. Они населяют так называемую «Стальную долину», которую сегодня в пору переименовать, в подражание калифорнийской, в «Долину смерти»: в США сталелитейная промышленность обречена ее магнатами на застой. На глазах чахнут целые города и поселки.

Так, в Хоумстеде центральная Хейзелвуд-авеню ныне известна под прозвищем Плайвуд-авеню в знак того, что витрины расположенных там магазинов заколочены досками (по-английски «доска» — «плайвуд»). Железнодорожные пути в окрестностях города покрыты порожними вагонами и платформами, из-под которых лезет бурьян. В другом городе «Стальной долины» — Брэддоке, где некогда ковали оружие для армии северян и катали рельсы, проложившие дорогу на Дальний Запад, приходит в негодность старейшая из библиотек, выстроенная во славу «стального короля» прошлого века Эндрю Карнеги. Красивое трехэтажное здание с башенками, предмет гордости жителей Брэддока, вот уже который год стоит на замке с заколоченными окнами. Протекает крыша, гибнут и уже погибли многие книги, которые не под силу спасти местному Дон Кихоту, пенсионеру Рою Стеллу.

Иная беда по той же причине обрушилась на жителей Мидленда. Тамошняя сталелитейная компания «Кольт» приставила к виску восьми тысяч с лишним своих иждивенцев оружие под стать револьверу с одноименным названием. Сперва «Кольт» закрыла свой местный завод, а затем, обнаружив лазейку в законах, решила лишить уволенных и их домочадцев льгот медицинского страхования. По выражению газеты «Вашингтон пост», 4118 пенсионеров, 3168 женщин и 1180 де-

См. стр. 18.

Один из вашингтонцев в поисках съестного.

Светлый мир среди берез России...

Фото Е. РОДЬКИНА

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Всесоюзный отряд имени Ленинского комсомола отправляется на стройки Сибири, Дальнего Востока, Нечерноземья.

Фото Ю. ИНЯКИНА

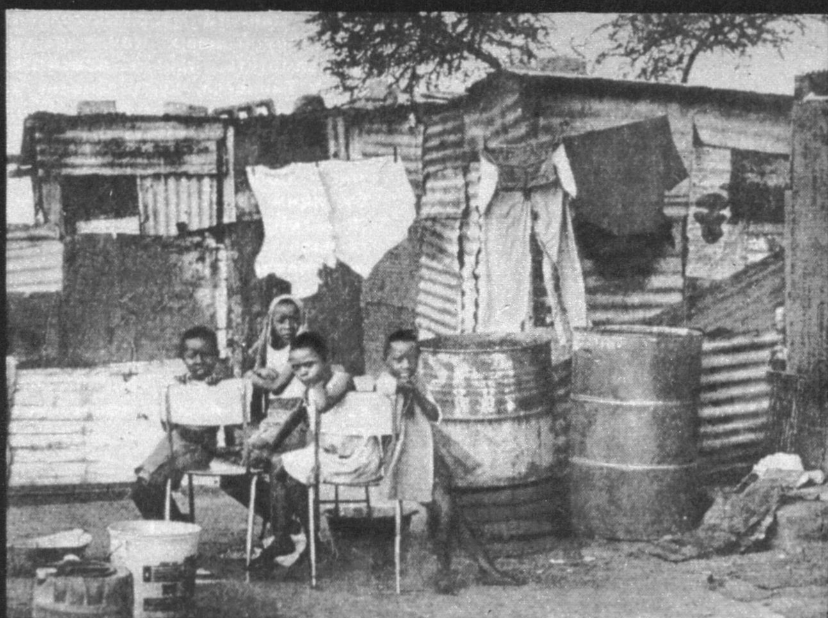
LES ENFANTS VEULENT LA PAIX
25e ANNIVERSAIRE

БОЛЬ ЛИВАНА

Боль Ливана в плаче матери, потерявшей сына... Боль Ливана смотрит из пустых глазниц разрушенных зданий, которые дымятся от еще не потушенных пожаров. Боль Ливана — это бездомные и измученные люди, бредущие в поисках укрытия с бедным скарбом. Боль Ливана отзывается в сердцах всех честных людей нашей планеты, желающих, чтобы в эту многострадальную страну, наконец, пришел долгожданный мир, требующих, чтобы господа из Соединенных Штатов и их израильские подручные оставили в покое страну кедра, прекратили разжигать огонь братоубийственной войны.

Чаша гнева переполнена

Апартеид — это нищета, голод, болезни и бесправие миллионов африканцев ЮАР на родной земле: 80 процентов населения расистского государства влачит жалкое существование на самых пустынных, бесплодных землях в бантустанах. Вблизи крупных городов представители коренного населения ЮАР загнаны в гетто, так называемые «тауншипы». Но ни своры собак, ни свинцовые пули, ни тюрьма не сломят борьбу униженных и оскорбленных африканцев за свою землю, за то, чтобы быть полноправными людьми в своей стране.

Эта бельгийская семья участвовала в общенациональной манифестации за мир и разоружение, против новых ядерных ракет в Европе, проходившей в столице страны — Брюсселе.

Фото В. ДРОБКОВА См. стр. 22

В ожидании бесплатной похлебки у «суповой кухни» в центральном районе Нью-Йорка Манхэттене.

См. стр. 16.

ПРЕЗИДЕНТ И НИЩИЕ

тей мидлендских сталеваров «получили уведомление о предстоящей казни». Зато нью-йоркская компания с годовым оборотом в полтора миллиарда долларов, специализирующаяся на выпуске оборонной, аэрокосмической и автомобильной продукции, приумножила свое богатство на двести миллионов долларов.

Ныне половина трудоспособного населения Мидленда — безработные. Самые отчаявшиеся пополняют ряды бродяг и, словно во времена Джека Лондона, таясь от «быков» из железнодорожной полиции, подсаживаются в товарные поезда, чтобы пуститься на поиски работы по тем самым рельсам, которые, возможно, сделаны их собственными руками.

Но и на новом месте таких «перекати-поле» не встречают фанфарами: Пенсильвания — не единственный бедствующий штат. Некогда в Америке «нежелательных гостей» обмазывали дегтем, вываливали в перьях и на тачке выпроваживали за городскую черту. Ныне сей обычай облагорожен. К примеру, в Северной Калифорнии полиция, задерживая очередного бродягу, гонит его из своего околотка с увещеванием: «Ступай, приятель, на юг, там теплее». В графстве же Фресно и вовсе группу бездомных снабдили недавно билетами до соседнего штата. Гуманно и благопристойно!

А вот в Нью-Йорке с попавшими в беду по-прежнему не церемонятся. Самый населенный в Америке город насчитывает и самую многочисленную армию бездомных — свыше 40 тысяч человек. О том, как целые тамошние семьи, лишившись крова, перекочевывают в ночлежки, а то и на парковые скамейки либо вентиляционные решетки метро, может много рассказать Вудро Джист. Бывший полицейский, а ныне судебный исполнитель зарабатывает как никогда за свои полвека на чужом горе, выселяя просрочивших квартплату жильцов. Чуть свет Джист с подручными навещает очередную жертву. Дверь заперта — лезет с отмычками в окно. В миг скудный скарб свален в машину, и трофей увозится на склад, где через месяц пускается с молотка. Бывшим же жильцам дорога либо на улицу, либо в ночлежку.

Каждый третий нью-йоркский ребенок ныне растет в нищете. В Детройте же, этой автомобильной столице Америки, в бедняках — треть всего населения, причем многим маячит самое «дно» или, по здешней терминологии, «подкласс». «Подкласс» в данном случае — понятие социологическое. Им в Соединенных Штатах стали обозначать тех, кто является полной противоположностью американскому супермену: ни кола, ни двора, гол как сокол, бессилен, излучает не бодрость, а уныние.

Зато полны оптимизма обитатели Белого дома. Послушать их, так «Америка опять встала на ноги», хотя спустя двадцать лет после объявленной Линдоном Джонсоном «войны с бедностью» количество обнищавших в самой богатой стране Запада достигло 35 миллионов и только при Рейгане увеличилось почти на треть.

«Я хочу работы» — написано на плакате молодого жителя американской столицы.

Чтобы вызволить их из нищеты, по подсчетам здешних специалистов, нужно 45 миллиардов долларов. Сумма немалая, не меньше очередной прибавки к ежегодным расходам на военные приготовления. Всего-то и требуется на год заморозить прибавку Пентагону, дабы избавить 35 миллионов американцев от холода и голода, а нацию — от столь вопиющего неравенства и позора. Но нет у тех, кто правит Соединенными Штатами, такого намерения или даже желания, зато сколь угодно фраз про справедливость и всеобщее благоденствие.

В двухстах ярдах от Белого дома, в толпе чиновников, бизнесменов и праздных туристов, бродит по вашингтонской 18-й стрит некто по кличке «Итон-аристократ». У него красное от стужи и ветра лицо, седая борода, отнюдь не из-за моды спадающие на плечи волосы. Ни возраста, ни последнего места работы он не помнит. Скитается по чужим подъездам и пустырям уже третий десяток лет. Прозвище же получил оттого, что ни в какую не хочет перебраться в ночлежный дом. По словам «Итона-аристократа», «настоящий мужчина всегда заработает на кусок хлеба, если не поленится попросить подаяние». Вряд ли о нем когда-либо слышали в нынешней администрации США, но в представлении президента «Итон-аристократ» — воплощение всех американских нищих. Сказал же про них Рейган, будто подобную участь они избрали... по собственному желанию.

Под стать главе Белого дома мыслят его приближенные. «Пункты по раздаче бесплатной похлебки привлекают людей, потому что там кормят даром»,— изрек недавно советник президента Миз. Министр же сельского хозяйства Блок назвал нищенские столовки «великолепным символом присущей американцам взаимопомощи».

В том же духе на открытии новой столичной ночлежки выступила министр здравоохранения Маргарэт Хеклер. Ночлежка, надо заметить, так и просится в книгу Гиннесса, куда заносят все «самое-самое». Рассчитана на тысячу коек, другой такой, думаю, не только в Америке, во всем мире больше не сыщешь. К ее будущим постояльцам миссис Хеклер обратилась с выспренней речью: «От имени и по поручению президента заявляю, что мы гордимся вами, всеми вместе и каждым в отдельности. Подобно любому американцу, вы вправе рассчитывать на уважение!»

Томясь в нетерпении перед входом в ночлежку, толпа мигом среагировала: «А как насчет работы!..»

Безработица по-прежнему обрекает на лишения и муки миллионы людей. Даже объявленный недавно в штате Нью-Джерси конкурс на замещение вакансии... палача привлек четыре десятка волонтеров. Среди добровольцев в палачи — 3 женщины, пенсионер, выпускники средних школ. На каждого приговоренного к смерти оказалось по восемь желающих лишить его жизни.

Соб. корр. «Известий»,
специально для «Огонька»

Вашингтон.

ПЛЕННИК

Они были очень настойчивы, и на третий раз Дункан принял их приглашение. Покорно, почти обреченно согласился пообедать с ними. Однако, выехав из Лондона, раздраженно подумал, что им не хватает такта окончательно прекратить знакомство.

Никогда еще те, кого он уволил, не звали его в гости. Угрозы были. Несколько человек угрожали, один даже пытался шантажировать, однако никто не имел наглости приглашать его на обед. Благоразумный человек не стал бы этого делать. Но Хьюго Крауч благоразумным не был, и это явилось одной из причин его увольнения.

Ясно было, зачем они его приглашали. Им хотелось устроить дознание, вывести его на чистую воду. Поэтому он предлагал посидеть в ресторане за его счет. Они же настаивали, чтобы он приехал к ним, и в конце концов Дункан согласился. Несмотря на возраст и больное сердце, несмотря на шестнадцать миль скверной — в слякотный февральский вечер ужасной — дороги, он решил показать им, что готов принять этот вызов. Председатель совета директоров фирмы «Фрейзер» покажет, что его не запугать вздорному доброхоту вроде Хьюго Крауча.

Перед въездом в лес дождь усилился. Дункан включил стеклоочистители на полную скорость и как никогда порадовался своему новому автомобилю со всевозможными эффективными приспособлениями. Разумеется, фирма не смогла бы приобрести такой, продержи он Хьюго Крауча на службе еще месяц. Если бы он согласился на все требования Хьюго, то до сих пор обходился бы старым «даймлером» и не смог бы совершить зимой путешествия по морю. Хьюго был настоящим бельмом на глазу из-за своих причуд и нежелания сменить свой домик в лесу Эппинг на другое жилье. Стоял этот домик посреди леса, на отшибе даже от лесных деревень. А главному управляющему фирмы «Фрейзер» положено находиться в пределах досягаемости.

Сильные фары освещали темную извилистую дорогу, серые стволы деревьев вдоль обочин делали ее похожей на какой-то мрачный коридор с колоннадой. Эта картина то скрывалась за густой завесой дождя, то снова виднелась сквозь протертые стекла. К счастью, Дункан бывал здесь раньше, а то мог бы проехать высокую кирпичную ограду с деревянными воротами, за которой стоял дом Крауча, старая викторианская вилла с высокой крышей. Дункану она казалась просто чудовищной. «Только портит окружающий вид»,— думал он, въезжая в ворота.

Света нигде не было. Дункан вспомнил, что они живут в задней части дома. Могли бы зажечь свет у фасада к его приезду. Если бы не фары автомобиля, он не мог бы разглядеть дороги.

Дункан громко позвонил, не отрывая пальца от кнопки звонка, он боялся, что дождь промочит через плащ его костюм, стоивший сто гиней. Струйка воды стекла ему за воротник, по всему телу пробежала дрожь, но тут дверь отворилась.

— Дункан! Ты, должно быть, весь вымок. Ехать было трудно?

— Ужасно, ужасно,— выдохнул он и нырнул в сухое убежище коридора.— Ну и вечер!

Он сунул ей коробку конфет и протянул руку. Потом вспомнил, что прежде они всегда целовались. Что ж, он всегда был не прочь поцеловать красивую женщину, и вины ее в той истории не было.

— Как ты, Элизабет?— спросил он, когда их щеки соприкоснулись.

— Прекрасно. Давай плащ, я отнесу его на кухню, пусть посохнет. Хьюго в гостиной. Как идти туда, помнишь?

По длинному коридору, припомнил он, всегда плохо освещенному и холодному. Весь дом буквально требовал центрального отопления. Дункан продрог и невольно подумал о своей квартире, где приходилось открывать окна даже в феврале и где, будь он дома, служанка ставила бы сейчас перед ним порцию горячего паштета, а за ним последовало бы жаркое. Элизабет Крауч, вспомнил он, не ахти какая стряпуха.

У двери в гостиную он помедлил, готовясь к встрече. Они с Хьюго не виделись с тех пор, как этот человек в гневе вышел из его кабинета, потому что он, Дункан Фрейзер, председатель совета директоров фирмы «Фрейзер», намекнул, что ему, возможно, будет лучше сменить работу.

Что ж, чем быстрее будут сказаны первые слова, тем лучше. Мало кто на его месте стал бы испытывать из-за этой истории угрызения совести или был бы столь чувствительным. Главное — всеми силами избегать разговора об увольнении Хьюго. Они не заставят его говорить об этом, если он твердо решит не касаться этой темы; в конце концов этого им не позволит вежливость хозяев по отношению к гостю.

Он распахнул дверь с любезной улыбкой, и даже в глазах у него засветились веселые огоньки.

— Привет, Хьюго, вот и я! Приехал, как обещал.

У Хьюго был мрачный вид. Дункан часто видел этого человека таким, когда его какое-нибудь особенно непомерное требование отвергалось. Не улыбнувшись, он с серьезным видом подал Дункану руку и спросил:

— Что будешь пить?

— Ах да, пить,— сказал Дункан, потирая руки. Ему хотелось виски, но он побоялся попросить его, потому что виски запретил врач.— Чуть-чуть сухого вермута?

— Боюсь, что вермута не найдется.

Этот ответ, хотя и произнесенный совсем беспечно, хоть и следовало ожидать чего-то подобного, несколько задел Дункана. Конечно же, он знал, что они примутся за него, не теряя времени, но не думал, что первый ход будет сделан так быстро. Ладно, пусть этот человек напоминает, что не может позволить себе изысканных напитков, так как потерял работу. Его, Дункана, это не тронет.

— Тогда шерри,— сказал он.— Шерри у тебя есть?

— Да, есть. Иди, садись к огню.

Сев перед горящими поленьями и начав согреваться, Дункан решил вести разговор о погоде. Это была единственная тема, какую он мог избрать, чтобы растопить лед, пока не придет Элизабет, и они оживленно заговорили, вдаваясь даже в такие материи, как наводнение в Восточной Англии и столкновения в тумане на автострадах, потом вошла Элизабет и села рядом с ним.

— Мы никого больше не приглашали, Дункан. Хотели побыть только с тобой.

Бессмысленное при этих обстоятельствах замечание, подумал он. Естественно, никого больше не приглашали. Присутствие других гостей помешало бы их намерению. А может, не такое уж и бессмысленное. Возможно, это подготовительный маневр.

— Прекрасно,— сказал он.

— У нас ведь есть о чем поговорить.

Есть о чем поговорить? Эта женщина могла иметь в виду только одно. Но пусть не надеются — ни она, ни Хьюго, молчаливо сидящий с мрачной, унылой физиономией,— что он хоть как-то поможет им в этом. Если хотят навязать ему свою тему, пусть стараются сами.

— Мы только что говорили,— сказал он,— о том, как ужасны все эти катастрофы на автострадах. Теперь мне кажется, что их можно было бы предотвратить очень простым способом.

Он описал этот простой способ, но не мог понять, действительно ли им интересно, и не был удивлен, когда Элизабет сказала:

— Это замечательно, Дункан, однако давай поговорим о твоих делах. Чем ты занимаешься в последнее время?

«Держу под контролем тот бизнес, который твой муж едва не развалил»,— мелькнула у него мысль.

— Так, то одно, то другое,— ответил он.— Ничего особенного.

— Был этой зимой в морском путешествии?

— Э... да, да, был. По Карибскому маршруту.

— Прекрасно. Уверена, что смена обстановки пошла тебе на пользу.

Так-так, намекает, что он должен был подумать и об их пользе. Заговорила о морских путешествиях, желая подчеркнуть, что не всем они по карману.

— Я прекрасно отдохнул,— сказал он искренне.— И хочу рассказать вам об одной очень забавной истории, случившейся на обратном пути.

Он рассказал, но история оказалась не особенно забавной, Элизабет вяло улыбалась, а Хьюго не улыбнулся.

— Во всяком случае, тогда это казалось забавным.

— Через пять минут сядем за стол,— сказала Элизабет.— Дункан, а ты купил ту виллу на юге Франции, что так нравилась тебе?

— Да, купил.

«Элизабет посмотрела очень странно, даже очень нагло, ждет извинений за то, что я трачу свои деньги»,— подумал Дункан.

— Слышите, какой дождь?— сказал он.— Нисколько не утихает.

Они согласились с этим, и наступило молчание. По их взгляду, брошенному друг на друга — в подобных вещах он был очень проницателен,— Дункан понял, что оба осознали тщетность своих первых попыток. «И, кажется, сыты ими по горло»,— торжествующе подумал он. Но женщина сделала еще одну, на сей раз чуть более удачную:

— Знаешь, Дункан, кого мы встретили на прошлой неделе? Джона Черча.

Года два назад этот человек выполнял для фирмы печатные работы. Он получил заказ тогда же, когда был выдвинут Хьюго, вспомнил Дункан. И с непроницаемым видом допил своё шерри.

— Он говорит, что несколько месяцев пролежал в больнице и дела его пришли в упадок. Мне было так...

— Я хотел бы помыть руки,— бесцеремонно перебил Дункан.— Ты покажешь, где у вас ванная?

— Конечно.— Как и следовало ожидать, она выглядела обескураженной.— Вон та дверь наверху, возле лестницы.

Дункан направился в ванную. Нельзя думать, будто он так легко сорвался с крючка. Они наверняка примутся за него во время еды. Должно быть, считают, что обеденный стол — подходящее место для дознания. Но он будет готов к этому; до сих пор он действовал превосходно.

Они оба ждали его у подножия лестницы, чтобы вместе идти в столовую, и он снова заметил, как женщина бросила на Хьюго взгляд, равносильный подталкиванию локтем. Хьюго, очевидно, струсил. Конечно же, в подобных случаях женщины более агрессивны. Дункан быстро оглядел стол с закусками — сардины, анчоусы, артишоки, все это он не любил.

— Боюсь, что я задал тебе хлопот, Элизабет,— снисходительно сказал он.

Элизабет ослепительно улыбнулась. Он забыл ее улыбку — все лицо осветилось, глаза вспыхнули, как голубые перья зимородка.

— Приятный труд,— сказала она,— целитель утомленья.

— А, «Макбет».— Отлично, прекрасная тема, о «Макбете» можно говорить, пока не будет покончено с закусками.— Знаешь, единственный раз мы ходили в театр втроем именно на «Макбета».

— Я помню,— сказала она.— Хлеба, Дункан?

— Благодарю. На прошлой неделе я смотрел «Макбета» в прекрасной постановке. Вы не смотрели?

— Мы не были в театре всю зиму,— сказал Хьюго.

Должно быть, Элизабет толкнула его под столом ногой, чтобы заставить произнести эту фразу. Дункан пропустил ее мимо ушей. Он подробно описал постановку, однако его волнение так возросло, что из памяти то и дело выпадали имена персонажей и фамилии актеров.

— Жаль, что Кейт ее не видел,— сказала Элизабет.— Это пригодилось бы ему на экзаменах.

Хочет, чтобы он стал расспрашивать ее о сыновьях, а она сказала бы, что их пришлось забрать из этой чудовищно дорогой школы-интерната. А он вот не спросит. Пусть это невежливо, но спрашивать он не станет.

— Дункан, ты, кажется, незнаком с нашими детьми?

— Нет, незнаком.

— На будущей неделе они приедут домой. Я очень рада, что их каникулы совпадают с моими.

— С твоими?— подозрительно спросил он.

— Элизабет снова преподает в школе.

— Правда?— сказал Дункан.— Нет, спасибо, я больше не хочу. Было очень вкусно. Давай помогу тебе. Принесу что-нибудь...

— Пожалуйста, не беспокойся. Сама управлюсь.— Она выглядела обиженной.— Если вы оба извините меня, я пойду взгляну на основное блюдо.

Дункан остался наедине с Хьюго в прохладной столовой и, вытащив ноги из-под скатерти, протянул их к электрокамину. Хьюго стал неумело откупоривать бутылку вина. Пробка не вытаскивалась, и он ругался вполголоса.

— Дай попробую я.

— Спасибо, справлюсь сам, если ты не будешь наблюдать за мной,— резко ответил Хьюго, а потом ни с того, ни с сего, если не знать, что эти двое ничего не говорят без задней мысли, сказал: — Я поступил на курсы бухгалтеров.

— Из тебя, Хьюго,— заявил Дункан,— получится гораздо лучший бухгалтер, чем метрдотель, ха-ха!

Хьюго не засмеялся. Наконец он вытащил пробку.

— Думаю, получится. Я всегда неплохо управлялся с цифрами.

— Неплохо, неплохо. Даже лучше, чем просто хорошо.— Это было правдой. Только со служащими этот человек был так невообразимо плох, что подавал младшим сотрудникам и машинисткам идеи, не подходящие им по положению.— Я уверен, ты будешь прекрасно справляться.

Куда запропастилась эта женщина? Уже, наверно, минут десять, как она пошла на кухню по этим длинным коридорам.

— Получить квалификацию — это главное,— сказал Дункан.

Он издали услышал, как поскрипывает колесами сервировочный столик. Звук этот был отраднее, чем грохот поезда, которого целый час ждешь на холодной платформе. Дункану не нравилась эта женщина, но лучше все что угодно, только бы не сидеть наедине с Хьюго.

Почему бы не покончить со всем этим сейчас, подумал он, пока не принялись за удивительно маленького цыпленка, появившегося на столе? И, выдавив улыбку, сказал:

— Я вижу, вы оба с честью вынесли испытание. Не сомневаюсь, что Хьюго станет хорошим бухгалтером и возблагодарит бога, что больше не служит в фирме «Фрейзер».

Видимо, это все. Они подвергли его своим пыткам и, возможно, теперь позволят спокойно есть эту передержанную стряпню, именуемую обедом. В конце концов заговорят о чем-нибудь другом, не вынуждая к этому его, он и так весь вечер не дает угаснуть разговору.

Но вместо дальнейшего разговора наступило глубокое молчание. Казалось, всем было нечего сказать. Мужественно обгрызая крылышко цыпленка, Дункан лихорадочно искал тему. Их дом, его квартира, служащие фирмы, его новый автомобиль, дороговизна, ее работа, курсы Хьюго, прошедшее рождество, будущее лето — все это прямо или косвенно подводило к увольнению Хьюго. И Дункан с отчаянием и раздражением понял, что любая тема приведет к этому, так как он — это он, а они — это они, и увольнение стоит между ними как неизбежный призрак на их унылом пиру.

Дункан аккуратно положил вилку и нож рядом с пустой тарелкой. Твердо, но очень вежливо отказался от добавки. Глубоко вздохнул, как часто делал в начале совещаний правления, как очень часто делал на тех совещаниях, где Хьюго настойчиво требовал повысить жалованье сотрудникам.

— Дорогая Элизабет,— начал он,— дорогой Хьюго, я знаю, зачем вы сегодня пригласили меня и на что намекали, когда я приехал. Поскольку я хочу наслаждаться вашим замечательным обществом безо всякой неловкости, то сделаю здесь и сейчас то, чего вы, очевидно, хотите от меня — то есть объясню, почему я решил, что Хьюго будет лучше уйти из фирмы «Фрейзер».

— Послушай, Дункан...— перебила Элизабет.

— Дай мне досказать. Возможно, вы удивитесь, если я признаюсь, что полностью виновен в случившемся. Да, я признаю, что вся вина лежит на мне.— Он поднял руку, не давая заговорить Хьюго, который с жаром затряс головой.— Нет, Хьюго, дай мне высказать все. Я уже признал, что вся вина лежит на мне. Я совершил ошибочную оценку. Да, да. Мне следовало бы лучше разбираться в людях. Я зря выдвигал тебя, надо было понять, что ты не подходишь для этой должности. И виню себя, что не понял... ну, твоих возможностей.

Они молчали. Не глядели ни друг на друга, ни на него.

— Мы, занимающие ответственное положение,— сказал он,— бываем виноваты сами, когда выдвинутые нами люди не могут подняться до тех высот, какие мы наметили им. Нам не хватает зоркости, вот и все. Видите, я принимаю бремя вины на свои плечи. Так, может, простим и забудем? И не станем копаться в прошлом?

Редко он видел людей в таком смущении, в замешательстве. Это ярко показывало, что они ему неровня. Такого заявления они ждали меньше всего, и ответить им было нечего. Он протянул Элизабет свою тарелку с кучкой цыплячьих костей среди картофельной шелухи и, когда она брала ее, разглядел на ее лице гримасу затаенной ярости.

— Ну что, Элизабет,— спросил он, будучи не в силах сдержаться,— я прощен?

— Поздно говорить об этом. Старая история,— сказала она очень холодным, неприветливым тоном.— Поздно.

— Извини, дорогая, если я дал не то объяснение, какого вы хотели. Я просто сказал правду.

Она промолчала. Хьюго не произнес ни слова. И вдруг Дункан почувствовал себя еще более неловко. Сердце его заколотилось, пришлось сказать себе, что сердцебиение ничего не значит, что надо опасаться только боли. Он демонстративно полез за таблеткой, пусть видят, до чего они его довели.

Они промолчали, и он сказал:

— Кажется, мне пора ехать.

— Но ты еще не пил кофе,— сказала Элизабет.

— И все же, видимо, лучше...

— Пожалуйста, останься и выпей кофе,— твердо, почти сурово сказала она и через силу улыбнулась.— Я настаиваю.

Когда вернулись в гостиную, ему предложили коньяка. Он отказался, потому что нужно было ехать домой и не терпелось сесть за руль. Хьюго налил себе большую порцию и выпил одним глотком, так пьют коньяк, если человек не в себе или набирается мужества для чего-либо; Элизабет взяла вечернюю газету и натянуто заговорила про убийство, о котором писалось на первой странице.

— Право же, мне надо ехать,— сказал Дункан.

— Выпей кофе. Еще нет и десяти.

Для чего им оставлять его? Или, точнее, ей? Хьюго опять взялся за бутылку. Дункану казалось, что он надоел им, как и они ему. Они получили, чего добивались, не так ли? Вторую чашку кофе он выпил так быстро, что обжег рот, и поднялся.

— Я возьму зонтик и провожу тебя,— сказал Хьюго.

Все кончено. Сейчас он уедет, и ему больше незачем их видеть. И вдруг Дункан ощутил, что не может просто так взять и уйти. Действительно, после его небольшой речи атмосфера была очень натянутой.

— Доброй ночи, Элизабет,— сказал он. Какую банальность еще придумать, чтобы она была не слишком нелепой?— Спасибо за обед. Возможно, еще как-нибудь увидимся.

— Надеюсь, что вскоре, Дункан,— сказала она, но щеку для поцелуя не подставила. Сквозь приоткрытую дверь на ее длинную юбку хлестал дождь. Она стояла там, чтобы свет из двери освещал им с Хьюго дорогу к углу дома.

Едва зайдя за угол, Дункан был неприятно поражен. Фары его автомобиля горели вовсю.

— Как я мог это допустить?

— Наверно, оставил включенными, чтобы видеть дорогу,— сказал Хьюго,— а потом забыл выключить.

— Я уверен, что не оставлял.

— Выходит, оставил. Подержи зонтик, я проверю зажигание.

Бросив Дункана на мокрой дорожке под не спасающим от дождя зонтиком, Хьюго сел на водительское место и вставил ключ зажигания. Дункан, нетерпеливо топчась, ждал.

— Искры нет,— сказал Хьюго.— Должно быть, сел аккумулятор.

— Не может быть.

— Боюсь, что да. Попробуй сам.

Пытаясь завести мотор, Дункан даже вспотел.

— Пошли в дом. Здесь мы промокнем насквозь.

— Что случилось?— спросила Элизабет.

— Сел аккумулятор. Машина не заводится.

Они, разумеется, были ни при чем, но Дункану почему-то казалось, что это их вина. Это случилось возле их дома, куда они пригласили его с недостойной целью. Он не пытался скрыть раздражения.

— Хьюго, мне придется одолжить автомобиль у тебя.

Элизабет прикрыла дверь.

— Автомобиль Хьюго,— спокойно сказала она,— принадлежал фирме. Если ты помнишь, Дункан, он ездил на машине фирмы и был вынужден ее сдать.

Дункан не помнил. Как он мог хранить в уме все эти мелочи?

— Понятно,— резко ответил он.— Тогда я позвоню в прокатную контору, у меня есть их номер.

По выражению лица Элизабет он понял, что и это ему не удастся.

— Не скажешь же ты, что ваш телефон тоже принадлежал фирме «Фрейзер»?

— Нет, но фирма платила за него,— сказал Хьюго,— и нам теперь он не по карману. Мне очень жаль, Дункан, я не знаю, что тебе предпринять, но все же пойдем, посидим в тепле.

— Я не хочу рассиживаться. Мне нужно домой.— Он стряхнул ладонь Элизабет со своей руки.— Придется дойти до ближайшего дома с телефоном.

Хьюго распахнул дверь. Дождь лил, как из ведра.

— По такому ливню?

— Тогда что же мне делать?— раздраженно воскликнул Дункан.

— Оставайся на ночь,— спокойно сказала Элизабет.— Я, право, не знаю, что тебе еще делать.

Он протестовал, твердил, что должен быть какой-то выход, но в конце концов сдался. Не потому, что они были радушными хозяевами. Они обставили все, словно... все же как обставили? Лежа в темноте с грелкой между коленей, Дункан пытался определить их отношение. Фаталистическое, подумал он. Они вели себя так, словно это было неизбежно, словно не существовало никакого спасения, и ему поневоле пришлось остаться.

Спасение, конечно, не то слово, однако нечто подобное приходит на ум, если ты на всю ночь пленник в доме, где тебя недолюбливают, может быть, даже ненавидят. Как он мог не выключить фары? Он не помнил этого, но явно так и было. Никто больше не мог их включить. С какой стати?

Он не мог дождаться, когда они тоже лягут. Что оба еще на ногах, он видел, по прямоугольнику света за дверью своей спальни. И слышал их разговор внизу, хотя слов разобрать не мог. Все-таки эти поздневикторианские дома ужасны. Каждый звук слышен. Дождь барабанил по крыше, и казалось, что стучит он о картон, а не о шифер.

Дункан погасил свет, но прямоугольник двери все еще светился, и он снова вспомнил о фарах своего автомобиля. Он был уверен, что выключил их. Конечно, трудно быть в чем-то уверенным, когда ты так расстроен. Давление на него они оказали просто ужасное, и худшими минутами были проведенные наедине с Хьюго, пока эта женщина вынимала передержанное жаркое. В самом деле, слишком долго она возилась с этим основным блюдом. А что, если?..

Так могла поступить только сумасшедшая, да и зачем это ей? Но если живешь в глухом месте и хочешь, чтобы кто-то остался у тебя на ночь, хочешь не отпустить его, то что может быть лучше, чем вывести автомобиль из строя? Он вздрогнул, хотя и сказал себе, что эти домыслы нелепы.

Наконец-то они поднимаются. Половицы скрипят, а лестница издает какую-то мелодию, будто старая, разбитая скрипка. Он услышал, как Хьюго что-то пробормотал — этот человек выпил слишком много коньяка,— а потом женщина сказала: «Об остальном не думай».

Дункан опять вздрогнул, но вовсе не от холода. Он не мог понять, отчего. Что женщина говорит так, укладываясь спать, вполне естественно. Это означает: «Ты ложись, а я запру дверь и погашу свет». Он и сам часто говорил то же самое, когда его жена была жива. И все же эта фраза была памятна ему совсем в другом контексте. Перевернувшись на бок, спиной к свету, он попытался вспомнить, где слышал ее. Цитата? Да. Из «Макбета». Эти слова произносит леди Макбет, когда они с мужем замышляют убийство короля. А какое имя носил король? Дуглас? Донел?

Кто-то вышел из ванной, кто-то другой вошел. Неужели они всегда укладываются так долго? В туалете спустили воду, и она шумно хлынула по трубам, проходящим, казалось, прямо под кроватью. Дункан услышал чьи-то шаги, потом закрылась дверь. Видимо, они спят в соседней комнате.

Он перевернулся опять, ему не терпелось увидеть, как свет погаснет. Жаль, что в замке нет ключа и нельзя запереться.

Едва эта мысль возникла в его мозгу, он

понял, как она нелепа. Запирать дверь спальни в чужом доме? А если хозяйка принесет утром чай? Ей это покажется очень странным. А она может войти. Она положила ему в постель грелку и поставила на стол стакан с водой. Нет, запираться нельзя ни в коем случае, да и зачем? Опять кто-то из них в ванной.

Внезапно Дункан осознал, что вспоминает одного из уволенных, того, что грозил. Тот человек сказал: «Не думай, что тебе это так сойдет. Если я увижу твою рожу в радиусе мили от своего дома, вряд ли ты доживешь, чтобы пожалеть об этом». Конечно же, все сошло, и жалеть ему не о чем. С другой стороны, он не бывал в радиусе мили от дома того человека.

Наконец свет погас. Теперь спи, сказал он себе. Забудь обо всем или думай о чем-нибудь приятном — к примеру, о летнем отдыхе на юге Франции, на своей вилле, думай об этом.

Может, есть смысл поднять и расширить террасу и установить на ней ту скульптуру — несомненно, римскую,— что он нашел в сосновой роще? Работа будет стоить больших денег, но это его деньги. Почему бы ему их не тратить? Нельзя быть таким чувствительным, подумал он, надо поменьше забивать себе голову этой нелепой сознательностью, невесть с чего развившейся в последнее время. Однако, подумал он с легким смешком, сердечность не мешала ему тратить деньги и наслаждаться жизнью. Блажь это и ничего больше.

Он расширит террасу и, наверно, выложит пол в салоне черным мрамором. Кажется, доходы фирмы в этом году снова повысятся. Почему бы не отдать Черчу все печатные работы? Если ему действительно не повезло и с отчаяния он будет вынужден работать по сниженным ценам, то, конечно, надо пользоваться случаем...

Черт возьми, это уже слишком! Они там разговаривают. Сквозь стену слышался их шепот, торопливый, почти взволнованный. Что за странная пара, ни малейшего чувства юмора. Напряженные, словно персонажи какой-то трагедии.

«Приятный труд — целитель утомленья»,— это говорил Макбет, убийца старого короля. А она сказала это Дункану, когда он извинился за доставленные хлопоты. Короля тоже звали Дункан. Да, они тезки, и в определенном смысле он тоже король, монарх империи Фрейзера. Шепот, шепот доносился сквозь стену.

Дункан сел и включил настольную лампу. При свете он почувствовал себя лучше. Но теперь был уже уверен, что не оставлял фары включенными. «Об остальном не думай». Зачем было говорить так? Почему не сказать: «Я все сделаю сама»?

Макбет с женой принимали у себя короля и убили его в постели, хотя он не причинил им зла, ничего не сделал, только был королем. Значит, аналогии здесь нет? Потому что он, Дункан, совершил поступок, заслуживающий мести. Он уволил Хьюго Крауча, лишил его средств к существованию. Да, здесь нет никакой аналогии.

Он погасил свет, вздохнул и лег снова. Они все еще шептались. Заскрипели половицы, кто-то вышел из спальни. Нет, здесь не аналогия, дело обстоит гораздо серьезней. Как ему не пришло это в голову? У леди Макбет и ее мужа не было никаких причин, никаких.

На лбу его выступил пот, и он потянулся к стакану с водой. Однако пить не стал. Глупо, но скоро наступит утро. «О, никогда над этим утром солнце не взойдет!» Откуда это? Что за вопрос.

Тот, кто был в ванной, вышел и пошел к другому. Но передумал. Опять заскрипели половицы, опять кто-то ходил за дверью. В темноте, да, в полной темноте, потому что на сей раз они не включали свет. И тут Дункан ощутил первый трепет настоящего страха, который не утих вместе с дрожью, а усилился и перешел в ужас, какого он не знал с тех пор, как еще ребенком оказался запертым в темном чулане.

Он не должен бояться, не должен. Нужно подумать о своем сердце. С чего им желать мщения? Он все объяснил. Сказал правду и полностью взял вину на себя.

В комнате было так темно, что Дункан не видел, как повернулась дверная ручка. Он это услышал. Сердце его забилось медленно, тяжело, он напрягся и прижался к стене.

Тот, кто был за дверью, вошел в комнату. Он видел в темноте его — или ее — черный силуэт.

— Что?.. Кто?..— спросил он дрожа, в горле у него пересохло.

Силуэт расплылся, бесшумно исчез, и дверь мягко закрылась. Хотели посмотреть, спит ли он. Когда заснет, они его убьют. Он снова сел, зажег свет и закрыл лицо руками. «О, никогда над этим утром солнце не взойдет!»

Нужно придвинуть всю мебель к двери, вот что — комод, кровать, кресло. В горле было сухо, он потянулся к стакану с водой и отпил большой глоток. Вода была холодной, как лед.

Они уже не шептались. Ждали в молчании. Дункан поднялся, набросил пиджак и стал отодвигать мебель от стен, приподнимать железный остов ужасно тяжелой кровати.

Распрямляясь после второй попытки, Дункан ощутил в груди и левой руке сильную боль. Она давила тисками, тиски сжимались и постепенно раскалялись докрасна. С него заструился пот, словно температура в комнате внезапно подскочила.

О господи, господи, воды! Они должны вызвать ему врача, должны, нельзя же быть такими безжалостными. Он старый, изнуренный, и у него больное сердце.

Дункан запахнул пиджак вокруг боли и, шатаясь, вышел в темный коридор. Дверь, где же их дверь? Шаря по стене, он нашел ее, распахнул толчком ноги и зашатался на пороге.

Они сидели на кровати спиной к нему, не лежали, а сидели, их силуэты виднелись на фоне невысокого, тусклого торшера.

— Пожалуйста,— сказал он,— пожалуйста, помогите мне. Не убивайте, прошу вас, не убивайте. Я встану на колени. Я знаю, что поступил несправедливо, ужасно. Я не совершил ошибочной оценки. Я уволил Хьюго потому, что он требовал прибавить жалованье сотрудникам, прибавить всем, а я не мог пойти на это. Я хотел иметь новый автомобиль и хорошо отдохнуть. Мне было необходимо купить эту виллу, такую красивую, с садом. О господи, я знаю, что пожадничал, но я нес тяжесть своей вины — она лежала на моей совести, эта вина.

Они обернулись, их белые лица были неумолимы, безжалостны. Подскочили и бросились к нему прямо через кровать.

— Сжальтесь! — крикнул он.— Не убивайте! Я отдам все, что у меня есть, я дам миллион...

Они подхватили его, но было уже поздно.

— В нашем доме!— сказала Элизабет.

— Не надо,— сказал Хьюго.— Это слова леди Макбет. Не все ли равно, где.

— И зачем только я его приглашала!

— Ты же сама говорила: «Давай пригласим Дункана к нам, он вдовец и очень одинок». Я не хотел принимать его здесь. Как упорно он говорил о моем увольнении, мы ведь хотели всеми силами избегать этой темы. Я был и так сыт по горло, а тут ему пришлось оставаться на ночь.

— Что же теперь делать?— спросила Элизабет.

— Нужно вызвать врача или полицию. Дождь перестал. Я оденусь и схожу.

— Но ты нездоров! Тебя рвало.

— Сейчас ничего. Я выпил слишком много коньяка. Была такая напряженная атмосфера, никто не знал, о чем говорить. Господи, ну и история! Ведь несколько минут назад, когда ты заглядывала к нему в комнату, все было в порядке?

— Мне показалось, что он засыпает. Я хотела извиниться за шум, поднятый тобой, но он как будто был уже совсем сонным. Ты понял хоть что-нибудь из того, что он пытался сказать? Я нет.

— Не разобрал ни слова. Мы ничем не могли помочь ему. Едва успели подхватить.

— Я понимаю.

— У него ведь было больное сердце.

— Бедный во всех смыслах старик,— сказала Элизабет и бережно накрыла Дункана одеялом, хотя он уже не чувствовал ни жары, ни холода, ни страха, ни вины — ничего.

Перевел с английского Дмитрий ВОЗНЯКЕВИЧ.

БЕЛЬГИЙЦЫ ПРОТИВ «ТОМАГАВКОВ»

Этот снимок сделан в октябре прошлого года в Брюсселе во время общенациональной манифестации за мир и разоружение, против новых ядерных ракет в Европе. На нее в столицу съехалось около 400 тысяч бельгийцев — почти каждый двадцать пятый житель этой небольшой страны. Более полутораста общественных организаций, политических партий, профсоюзов, женских и молодежных ассоциаций заявили о своей поддержке этой манифестации и активно участвовали в ее подготовке и проведении.

Эмблемой брюссельской манифестации стал красный запретительный дорожный знак, в круг которого вписан черный силуэт крылатой ракеты «Томагавк». Именно он запечатлен на плакате, который держит мальчик. Жизнь этого ребенка, так же как и безопасность всех бельгийцев, готовы поставить на карту те, кто планирует разместить на здешней земле 48 американских крылатых ракет, нацеленных против СССР.

48 «Томагавков» — и 400 тысяч бельгийцев, вышедших в один только день на улицы столицы своей страны, чтобы выступить против их размещения здесь. Арифметический баланс складывается явно не в пользу натовских заправил. При этом надо помнить, что, кроме грандиозной брюссельской манифестации, по Бельгии за последние месяцы прокатились сотни больших и малых выступлений в пользу разоружения и мира, против безумной ядерной гонки. Как свидетельствуют опросы общественного мнения, около 80 процентов населения страны высказывается против наращивания в Европе ракетно-ядерных арсеналов.

«Нет новым ракетам ни в Бельгии, ни в Европе, ни где-либо еще!» — такой призыв стал здесь лозунгом широчайшего антивоенного движения. Если для Вашингтона и НАТО 1983 год был «годом ракет», то для бельгийских сторонников мира он стал поистине «годом борьбы против ракет».

Опираясь на парламентское большинство, правительство в начале ноября смогло провалить внесенные партиями оппозиции законопроекты, предусматривающие отказ Бельгии от новых американских ракет, провозглашение ее территории свободной от ядерного оружия зоной или хотя бы отсрочки принятия решения о развертывании здесь крылатых «Томагавков». Однако борьба вокруг ракет далеко не закончена. В рядах борцов за мир объединились силы самого широкого политического и общественного спектра, в которых представлены католики и коммунисты, врачи и безработные, профсоюзные активисты и студенты, работники искусства, депутаты парламента.

Несколько раз массовые манифестации были организованы во Флоренне. Возле этого небольшого валлонского городка находится военная база, на которой и планируется разместить крылатые «Томагавки». Там уже ведутся подготовительные работы. Начало размещения крылатых ракет в Бельгии намечено натовским «календарем» на 1985 год. Но уже более 250 бельгийских муниципалитетов провозгласили свои земли безъядерными зонами. Там запрещено хранение, транспортировка либо размещение всех видов атомного оружия. Такое решение приняли и муниципальные советы маленьких поселков и местные власти таких крупнейших городов Бельгии, как Антверпен, Шарлеруа, Льеж...

Плакат в руках ребенка не сравнишь с ядерным зарядом, заложенным в боеголовку крылатой ракеты. Если говорить о силе, об убойной силе, то она на стороне американского «Томагавка». Но сила жизни, мощь народного сопротивления планам заокеанских стратегов превратить Европу в подходящее поле для новой, на этот раз ядерной войны ощущаются в Бельгии все отчетливее. Народ этой страны, подобно англичанам, итальянцам, жителям ФРГ и Нидерландов, требует сейчас не допустить создания на своей земле стартовых площадок для новых американских ракет, обеспечить мирное и счастливое будущее для своих детей, будущее, в котором запрещен въезд пусковым установкам крылатых «Томагавков».

Владислав ДРОБКОВ

Брюссель.

Марка с портретом А. В. Суворова.

Картина с видом дома в Бальцерсе, в котором жил А. В. Суворов.

ЕГО ПОМНЯТ В ЛИХТЕНШТЕЙНЕ

Эта почтовая марка, увидевшая свет 12 марта 1984 года, выпущена в одном из самых маленьких государств мира — княжестве Лихтенштейн, зажатом между потоком Верхнего Рейна и грядой снежных Альп, в самом сердце Западной Европы. А изображен на этой марке великий русский полководец Александр Васильевич Суворов. И отсюда, из Лихтенштейна, из почтовых отделений столицы страны Вадуца, из Шана, Бальцерса и других городов и местечек совершают эти марки с Суворовым сначала путь до единственной железной дороги (аэропортов в этом крохотном государстве, которое можно пересечь пешком из конца в конец за день, нет), а затем по всем континентам, по всему миру.

Необычна эта марка тем, что это первая, единственная марка с портретом А. В. Суворова, вышедшая за пределами нашей Родины. И, наконец, еще одна интересная деталь. У истоков, у колыбели этой марки стояли как лихтенштейнцы, так и советские люди. Она — плод совместных усилий и международных связей. Такое при выпуске почтовых марок случается не каждый день!

Но расскажем обо всем поподробнее. И прежде всего ответим на главный вопрос: почему почтовая марка с изображением русского генералиссимуса вышла в стране Центральной Европы, которая отстоит от нас на две с лишним тысячи километров?

Русские войска пробыли в Лихтенштейне недолго — всего два дня. Но это была армия, окруженная ореолом побед в Италии и штурма считавшихся неприступными альпийских твердынь. Армия, не только перешедшая через заоблачные кручи, но и сумевшая нанести при этом противнику ощутимые удары и захватившая пленных и пушки у генерала Массены, будущего наполеоновского маршала. Во главе этой армии стоял человек, которого уже тогда современники называли одним из величайших полководцев истории, герой Рымника, Фокшан, Измаила. Неудивительно, что у жителей княжества Лихтенштейн сам Александр Васильевич и его чудо-богатыри вызвали пристальный интерес и уважение.

Есть и еще одно обстоятельство, которое, надо думать, сыграло роль в определении отношения лихтенштейнцев к русской армии. В ту бурную эпоху, когда большая часть Европы была объята пожаром войны между Францией и Второй коалицией, враждующие стороны не очень-то стеснялись в обращении с гражданским населением тех мест, через которые проходили армии. Яркий пример — Массена, который так грабил и притеснял швейцарцев, что Наполеон (сам не церемонившийся с европейскими народами) вынужден был одернуть его и даже подумывал о том, чтобы отдать под суд. Вторгшись в 1799 году из Швейцарии в Лихтенштейн, французы, как свидетельствует современник, «опустошали, грабили и накладывали тяжелую контрибуцию». Иначе вела себя суворовская армия, хотя, как замечает тот же автор, «русские были измождены лишениями и голодом».

В монастыре швейцарского местечка Муотаталь сохранился дневник настоятельницы, который велся в 1799 году. В нем сказано, что в отличие от мародерствовавших французских солдат «русские за все платили, не взяли просто так и курицы». После этого не трудно было проникнуться симпатиями к армии, которая во всех условиях соблюдала кодекс воинской чести...

Что конкретно сохранилось с тех далеких лет о пребывании «суворовских орлов» в памяти Лихтенштейна и лихтенштейнцев? Есть ли сегодня какие-то материальные следы: дома, документы, предметы, которыми, например, так богата соседняя Швейцария*, или их уже унес безжалостный поток времени? Эти вопросы я задал гражданину Лихтенштейна, но русскому по происхождению Эдуарду Александровичу Фальц-Фейну; ему за семьдесят, в княжестве он прожил всю жизнь. Мы сидели в его уютном доме-вилле «Аскания-Нова» (он назвал ее так в честь известного заповедника на юге Украины, основателем которого был его дядя и в музей которого Эдуард Александрович передал недавно ценную коллекцию книг, картин и фотографий). Хозяин не забыл родного языка, постоянно слушает московское радио, не отстает от лингвистических новинок. Он много сделал для возвращения в СССР русских художественных и исторических ценностей, оказавшихся по разным причинам за рубежом. Все это дало мне основание обратиться к Эдуарду Александровичу с просьбой помочь найти следы суворовской армии в Лихтенштейне. «С удовольствием,— воскликнул он,— ведь я же русский и Россия всегда для меня родина!»

Человек слова, Фальц-Фейн сразу же отправился в Государственный архив Лихтенштейна в Вадуце, а оттуда через несколько дней поехал в мэрию города Бальцерса, на юге Лихтенштейна, где, по свидетельству документов, была ставка Суворова. В архивах были найдены интересные документы той эпохи, касающиеся пребывания Суворова и его армии, а мэр Бальцерса помог нам разыскать и обстановку из дома (сейчас его уже нет), где жил Суворов. Оказывается, память о знаменитом госте была так велика, что хозяева дома, державшие постоялый двор для путешественников, бережно хранили стол и стулья, передавали из поколения в поколение; сейчас они хранятся у семьи Фэр-Вольфингер.

Из долины, сплошь в фруктовых садах, наша машина по серпантину узкой горной дороги вобралась на высоту 1400 метров. Вот двухэтажный дом с надписью по фронтону «Берг-Гастхоф Мазеша». Чуть выше его крыши клочьями висят мрачные облака, льет холодный дождь, и насквозь пронизывает ветер. Может, такая же неприветливая погода была здесь и тогда, когда в Лихтенштейн входили суворовские полки... В доме ярко горит очаг. Нас любезно встречают хозяйка и ее взрослая дочь, проводят на второй этаж. Вот он — круглый, составленный из двух половинок стол, два стула. На столе — большой букет цветов. На стене писанная маслом картина с видом того дома в Бальцерсе, которого уж нет сейчас: в три этажа с зелеными ставнями и черепичной крышей. Суворовский дом...

Забегая вперед, скажем, что на том доме в Бальцерсе, который заменил прежний, будет установлена вскоре мемориальная доска — дань уважения Лихтенштейна прославленному сыну России. Тогда-то в комнате, где стоял стол Суворова, и пришла мысль: ведь в княжестве выпускается серия почтовых марок «Знаменитые гости Лихтенштейна». Почему бы не быть в этой серии и марке с портретом Суворова? Э. Фальц-Фейн изложил эту идею тем, от кого зависел выбор сюжетов для серии «Знаменитые гости Лихтенштейна». Она нашла понимание, и скоро над этой маркой стали работать в почтовом ведомстве. Из многих портретов великого русского полководца лихтенштейнцы выбрали наиболее понравившийся им и наиболее «близкий» по автору — выполненный в марте 1799 года художником Й. Крейцингером, работавшим в Вене. Выяснилось, что это полотно находится в одном из музеев Советского Союза. И тогда Лихтенштейнское почтовое ведомство попросило Телеграфное аге-

* В Швейцарии имеется более десятка домов с мемориальными досками в память о походе Суворова, величественный памятник русским воинам у Чертова моста и пр.

нтство Советского Союза (ТАСС) помочь—прислать цветные диапозитивы. С помощью сотрудников государственного Исторического музея и Третьяковской галереи удалось выяснить, что оригинал портрета находится в военно-историческом музее А. В. Суворова в Ленинграде. Но оказалось, что он не совсем соответствует той фотокопии, которую прислали в Москву лихтенштейнцы. Но вскоре и этот вариант был найден: в Историческом музее хранится гравюра И. Нейдля с портрета Крейцингера. Точь-в-точь как на полученной ТАСС «заявке». Нейдль, делая гравюру, несколько изменил портрет, и именно литографический оттиск этой гравюры попал к лихтенштейнскому почтовому ведомству. (Возможно также, что Нейдль сделал гравюру с другого портрета Крейцингера, который до нас не дошел). ТАСС послал поэтому в Вадуц цветной слайд с картины Крейцингера и черно-белый снимок с гравюры Нейдля. В Лихтенштейне взяли за основу ленинградский портрет и сделали многокрасочную почтовую миниатюру, вышедшую 12 марта нынешнего года в серии «Знаменитые гости Лихтенштейна». Заметим: гость Лихтенштейна, хотя Александр Васильевич Суворов пришел в небольшое княжество на Рейне с 16-тысячной армией. Но, повторим еще раз, он и русская армия коренным образом отличались от тех многих армий и полководцев, которых знала история Лихтенштейна!

Великий русский полководец изображен на марке в мундире с красным воротником и обшлагами, при орденах, с голубой лентой через плечо (тогда он был еще фельдмаршалом, звание генералиссимуса он получил за блестяще проведенный Швейцарский поход). За ним крупным планом ствол пушки, небо затянуто пороховым дымом в сполохах пожаров. Под портретом надпись: Александр Васильевич Суворов. Учитывая, сколь велика во всем мире армия филателистов, почтовое ведомство Лихтенштейна выпустило одновременно и карт-максимум, то есть открытку с большим портретом Суворова и с уже наклеенной на него суворовской маркой. Она погашена специальным штемпелем, как и все марки серии. В красочно оформленном буклете, изданном в эти дни в Вадуце, биографии Суворова отведено три страницы. Особо подробно освещается Швейцарский поход и пребывание в Лихтенштейне. Правдиво отмечается, что русская армия могла бы выполнить поставленные перед ней задачи и разгромить армию Массены, если бы не позиция австрийского двора, который, как известно, устранился — из эгоистических побуждений — от борьбы с французами на территории Швейцарии. «В Петербурге на Марсовом поле в 1801 году был воздвигнут памятник Суворову»,— гласят заключительные строки.

Своими ратными подвигами в труднейших условиях, дисциплиной и благожелательным отношением к местному населению Александр Васильевич Суворов и его «чудо-богатыри» воздвигли себе поистине нерукотворный памятник в Лихтенштейне — добрую память.

Георгий ДРАГУНОВ

Вадуц — Москва.

Евгений ОСЕТРОВ

Линия жизни

Игорь Ляпин в томе избранных произведений написал обращение свое к читателям — в прозе — с доверительной искренностью, располагающей к себе сразу: «Как я благодарен маме, что с самого раннего детства она считала выбор друзей моим личным делом, и я, по сравнению со многими сверстниками, не знал никакой тягостной опеки». С кем дружить — вот над чем сызмальства задумался автор. А ведь давно и всем ведомо: скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты... Игорю Ляпину в стихах удалось обрести свободу разговора с другом-читателем и счастливую возможность быть самим собой:

За любую радость в жизни
платишь.
Платишь болью, горечью, тоской.
Что ж ты плачешь, мама, что ж
ты плачешь?
Посмотри, веселый я какой.

Доверительность нас берет за руку и ведет за собой.

Строго говоря, есть в только что процитированной строфе к чему придраться. Раскатистой гулкости вроде бы мешают шипящие в первой и третьей строках. Но при чтении вслух они, кстати говоря, не очень — эти шипящие — заметны. Почувствовав авторскую интонацию, войдя в смысловую суть, освоив ее, понимаешь, что для поэта важно выговорить то, что издавна живет в сердце, то есть перед нами верный способ найти отклик в душе читателя. И тогда «стихи работают». Сошлюсь на бесспорный пример. В двадцатые годы Есенина упрекали за многое, в том числе за орфоэпические огрехи; ныне ясно, что в лирической стихии поэта «золотой бревенчатой избы» звуковые слитности — дело десятое.

В стихах Игоря Ляпина — его судьба. Он, что порой случается, не ощущает себя на особицу, понимая общность связей между собой, окружающим миром и читателем.

В его стихах живет раздумье о спрессованности времени, которое не знает пощады:

Бесценна каждая минута.
Так что же это за беспечность.
Что ж мы живем с тобой,
как будто
У нас еще в запасе вечность?

Напряженность кануна двадцать первого столетия сказалась в таких стихах, как «У хмурых дней пощады не прося...», «Наследники фронтовиков», «Уже последний выстрел отгремел...», «Отчий край», «Сухумский перевал», «Матери».

Проникновенные стихи, озаглавленные «Речка Лапинка»; река детства, увиденная в родной деревне в пору, когда берег был черен, поля выжжены, война — памятна; незабываемо и первое приобщение к труду для всех, рождающее чувство гордости. Потом — «девчонки, милые девчонки. Уже наш класс — рабочий класс». Далее следует:

Еще полна военным духом
Земля.
Развалины окрест,
Но в нашем клубе металлургов
Играет духовой оркестр...

Происходит лирическое запечатление судьбы послевоенного поколения, самозабвенно певшего Исаковского и Фатьянова, их песенные строки — афоризмы, ставшие народными. Любовь к ним была принесена вчерашними фронтовиками, которым в боях-походах сопутствовали «Катюша» и «Соловьи». Обо всем этом Игорь Ляпин знает не понаслышке, он принял эстафету из первых рук. Нужно и полезно напомнить о песенности лирики теперь, когда пение хором потеснено, часто заменено шумовыми эффектами; ей-ей, не худо возобновить привычки, еще существовавшие в первые послевоенные годы:

Нам песня вправду помогала
И в зной, и в дождь, и
в снегопад.
И как бы тяжко ни бывало,
Мы добирались до привала
И в нас души не убывало.
И это век нам помнить, брат.

Рядом с быстротекущей и волнуемой, как ржаное поле ветром, современностью соседствуют стихи, связанные с историческими припоминаниями — среди последних хочется выделить баллады — «Два князя» и «Победная заря»; они наполнены колокольными звонами по поводу Куликовской битвы, когда «скорбела медь, и ликовала, и русский славила народ». Рязанский князь Олег, увлеченный удельной рознью, «в лукавстве жил с московским князем, что было на руку Орде». Автор не зря тревожит былые тени. В исторической дали он видит мудрость народа, напоминавшего, что надо поддержать замыслы и поход Дмитрия, названного Донским; тянулись простые люди к схватке с иноземными поработителями:

И к той лихой готовы брани,
Москве доверясь, как судьбе,
Валили люди из Рязани,
Без князя, сами по себе.

И Дмитрий вдруг всем сердцем
понял,
Какая сила будет с ним.
Он встал, призывно руку поднял,
И был уже непобедим.

Мне приходилось писать в периодике о поэме «Линия судьбы», произведении, посвященном судьбе поколения, принявшего в послевоенные годы наследие фронтового поколения. В энергичном и естественно написанном произведении много искреннего лирического восхищения человеком. Перечитав поэму, я вижу, с какой силой воспеты в ней человеческие руки, которые все могут — построить мост, собрать цветочный букет, помочь в беде другу и собрату:

Я хиромантам рук не подставлял,
Не потому, что это — вне науки,
А потому,
что с детства четко знал,
Какие от чего бывают руки.

И далее:

В них может быть и радость
и беда,
Они и утешают и терзают,
Они в пустынях ставят города
И города в пустыни превращают.
Они и для мольбы и для борьбы,
Попробуй тут в одно понятье
втисни
Загадочную линию судьбы
И линию тебе подвластной
жизни.

Вот эта «линия тебе подвластной жизни» и проводится настойчиво через все эпизоды и лирические отступления, создавая картины жизни, являясь осью, вокруг которой вращается окружающий мир. Особенно удался в поэме образ отца, партийного работника из барака «с первых мирных лет». У мальца, что и говорить, было вполне точное дело, порученное матерью: «Не прибеги сюда — и снова отец забудет про обед». Возникает подробность, цепко удержанная ребячьей памятью:

Входила женщина —
рыдала,
Но, покидая кабинет,
Довольно громко всем сказала:
— А говорите:
правды нет...

Прочитав раз, запомнишь, как отец свои карточки отдал той, что «одна растила троих». И «от себя» автор добавляет, возвращаясь к давнему эпизоду: **«Потом узнается, как трудно хотя бы раз так поступить»**. Проза? Если хотите, да, но она — сама по себе — содержит, как говорил Белинский, лелеющую душу гуманность.

Юность всегда отправляется в дорогу и, конечно, наш герой, принадлежа к поколению, которое всегда в пути, не избежал этой участи:

...В каких тогда
упряжках
не таскало
По Енисею,
и по Ангаре,
И по Байкалу,
и вокруг Байкала.
Висели от беды
на волоске,
И ветром
и волною
с ног валило...

Поразительно, как история и современность, соединившись в единый узел, в поэме определяют судьбы и поведение героев, сближенных Москвой, с ее толпами, шумной сутолокой, музеями, туристами, станциями метрополитена. Неудивительно, что и сугубо личные события приходят на общем виде исторического пейзажа:

И мы в дожде
счастливые бежали
В Коломенском у домика Петра.
Звезда над нами
ясная, зажгись
Или тревога новая повисни,
Но судеб наших линии
сошлись,
Став линией единой нашей
жизни...

«Линия судьбы» получила известность в широких читательских кругах, особенно среди подрастающего поколения, и была удостоена премии Ленинского комсомола 1982 года.

Появление книги избранных произведений Игоря Ляпина, рисующего жизнь своего поколения, показывающего его в движении, объединенном «линией судьбы»,— событие.

Игорь Ляпин. Стихотворения. М., «Советская Россия», 1983, 176 стр.

Л. Щипачев. Род. 1926. ВЕСНА (Фрагмент). 1983.

Л. Щипачев. НЕРАЗЛУЧНЫЕ. 1982.

УТРО. ЛОШАДКИ. 1982.

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

Конец Сократа

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

КАТЯ И МИГИ

— Катя, это ты? Бог мой, наконец-то я слышу твой голос! Здравствуй, Катюша! Это я, Мигуэль. Да, да, тот самый Миги, которого ты учила кататься на коньках. Вспомнила? То есть как это где? В Москве, в гостинице...

Катя! Это его юность, романтическая страница жизни.

Они подружились в ту незабываемую пору, когда советские люди с тревогой следили за сводками боев под Мадридом и Валенсией, когда Мигуэля в числе других испанских детей приютил Советский Союз. Над интернатом, в котором он жил и учился, шефствовала соседняя школа, где старшей пионервожатой была живая, круглолицая курносенькая девчушка с длинной толстой косой цвета пшеничной соломы. Шефы часто бывали в интернате на концертах художественной самодеятельности. Мигуэль с Катей не раз исполняли дуэтом советские и испанские песни.

Сперва это была просто дружба. Потом пошли якобы случайные встречи вне интерната, потом Катя учила испанского мальчика кататься на коньках, а затем начались дальние загородные прогулки. Молча шагали, молча же останавливались и подолгу не отрывали глаз друг от друга. Тайное скоро стало явным. В один прекрасный день Мигуэль был приглашен в дом, и родители Кати радушно приняли сына далекой Испании. Миги стал приходить сюда запросто, без особых приглашений, и он не мог не почувствовать, что хозяйка дома, Нина Петровна, рада ему.

...Июнь 41-го они пережили так же, как миллионы их сверстников и сверстниц. Оба твердо решили, что вместе отправятся на фронт, завтра же пойдут в военкомат. Мигуэль сказал, что ему, прихрамывающему, на войне дело найдется. Но в условленный час Миги позвонил и сообщил, что он приболел. Катя пошла в военкомат одна. Таких, как она, здесь было уже много. Старший политрук сказал ей то же, что и другим: «Не спешите. Придет ваш черед, тогда и позовем». Из военкомата она помчалась в интернат навестить больного и была несколько удивлена, узнав, что ее друг поехал на какой-то завод оформляться учеником токаря. Катя пожала плечами. «Почему он так? Ведь договорились... Никто за язык не тянул». Но тогда было не до раздумий.

Война разлучила их. Мигуэль пошел на завод, и осенью 41-го его цех, выполнявший заказы фронта, эвакуировался в Сибирь. Две недели перед этим они не виделись. Мигуэль дневал и ночевал в цехе, а Катя дежурила в штабе МПВО. В полночь заводской эшелон должен был отправиться с Ярославского вокзала, и Мигуэль буквально за два часа до отъезда забежал проститься, но застал только заплаканную Нину Петровну. Муж и сын ушли на фронт с дивизией народного ополчения, а что касается Кати, то она ничего вразумительного сообщить не может.

— Катя сказала, что уезжает из Москвы на какие-то курсы.

— Что за курсы? По какому адресу я могу писать ей?

Мать тяжело вздохнула.

— Не знаю, Миги, ничего не знаю. Война... Все вверх дном пошло.

Нина Пётровна по-матерински обняла Миги. Когда он уже был в дверях, вдруг спохватилась, посетовала на дырявую голову и протянула записку.

— Это тебе. Просила передать.

Записка была короткой. Полная порывов девичьей души, тревог, надежд и... недоумения: «Меня не разыскивай — не найдешь. Буду работать для фронта. До встречи, Миги. Верю, надеюсь». И уже после подписи: «Хочу спросить тебя о том, о чем раньше не решалась спрашивать. Почему не пошел со мной в военкомат? Сказал, что болен. Я приходила навестить тебя и не застала. Удивлена».

Они встретились через два месяца после Победы.

...Военная форма очень шла Кате. На гимнастерке пестрели две планки орденов и медалей. Катя встретила его радостно, и оба они долго не могли произнести что-нибудь членораздельное.

— Катюша!

— Миги!

— Я все эти годы, Катенька, хранил твою записку, ту, что ты написала перед уходом на фронт. Читал, перечитывал: «Верю, надеюсь». Я тоже верил и тоже надеялся.

Катя сникла. Тень пробежала по ее сияющему лицу. Записка... Последние слова в ней... О них Миги сейчас не вспомнил. Хотела спросить про военкомат, но удержалась. Зачем? Все в прошлом. Кроме того, нельзя забывать, что Миги — испанец. И к тому же он прихрамывает. Почему же он должен был броситься в военное пекло? Нет, она не смеет осуждать тогдашнего Миги, хотя бы даже и растерявшегося на тревожных житейских перепутьях.

— О чем задумалась? У меня такое ощущение, будто тебя здесь нет. Где ты? Ау, Катенька!

Она встрепенулась, вспомнила боевого друга Педро, тоже испанца, разведчика, действовавшего вместе с русскими партизанами. Его выдал провокатор, и испанца повесили на центральной площади белорусского села. Неделю спустя партизаны — Катя была среди них — разгромили в том селе фашистский гарнизон. Они мстили за друга, за Педро. Он-то пошел в военкомат. А Миги? И все же попрекать не стала. В конце концов Миги тоже воевал. Посвоему. Делал танки. И почему надо думать, что он не захотел пойти в военкомат? Может, их, испанских ребят, мобилизовали на завод. Спросить? Нет, она не станет оскорблять недоверием. Да и к чему отравлять радость долгожданной Победы...

Шли месяцы — и вдруг точно гром среди ясного неба. Поначалу Мигуэль не смог даже определить своего отношения к предстоящему возвращению на родину, в Испанию: радоваться или огорчаться? Так привык к Москве. И самое главное — Катя. Миги долго не решался сообщить ей новость. Она восприняла ее тяжелее, чем он предполагал. Хотя слез, упреков, просьб не было. Но от этого становилось еще горше. Они долго молча шагали по аллеям Сокольнического парка, и только когда прощались, Катя тихо спросила:

— Иначе нельзя?

Миги не ответил. Он сам не знал этого. Ничего не смог ответить и на другой вопрос, уже на вокзале:

— Мы больше не увидимся? Никогда?

Потом были письма Миги без обратного адреса. Катя объясняла все это знакомой ей конспирацией.

И вот встреча спустя десятилетия. Услышав по телефону голос Мигуэля, Екатерина Павловна поначалу растерялась и потому бессвязно что-то лепетала. Однако через минуту-другую пришла в себя.

— Миги! Где же ты? Я очень хочу тебя видеть!

Он предложил встретиться в гостинице. На какое-то мгновение Катя задумалась, а затем решительно отказалась, сказав, что хочет познакомить его с мужем, сыном, что он будет их дорогим гостем. Мигуэль понял: Катя не хочет оставаться с ним наедине, ворошить давно перевернутые страницы жизни. А ему, Миги, обязательно надо ее повидать, причем повелевали не только чувства...

Гостя принимали на подмосковной даче с истинно русским радушием. По просьбе хозяйки Мигуэль приехал несколько раньше других гостей.

— Мы хоть с тобой немного побеседуем о жизни. А то при гостях... Сам понимаешь!

Беседовали втроем. У Екатерины Павловны от мужа секретов нет. Фронтовой друг, разведчик-подрывник. Потом вместе учились в институте, вместе ездили с экспедицией на Дальний Восток, туда, где через несколько лет начнется строительство БАМа — дороги, о которой узнает мир. Теперь Василий Евгеньевич Ковров — доцент, весь в науке. Человек компанейский, приветливый, а манера говорить мягко, чуть насмешливо сразу располагала к нему собеседника. Хозяин дома все знает о прошлом Кати и Мигуэля, и, едва испанец переступил порог, он шутливо разыграл сцену оскорбленного супруга: бросил к ногам гостя перчатку, объявив, что дону Мигуэлю предоставлено право выбора оружия — шпаги или пистолеты, но драться сейчас же, немедленно. Мигуэль в том же тоне воскликнул: «Шпаги!» — отвесил церемонный поклон, подбоченясь, топнул ногой, широко отвел правую руку и пробасил:

— К вашим услугам, сеньор!

Так они познакомились. Столь же весело и непринужденно пошла беседа за журнальным столиком, стоявшим в углу, где висели картины. Екатерина Павловна рассказывала о своей послевоенной жизни, о муже, о сыне Косте, одержимом живописью, который, однако, считает, что самое необходимое для человечества — это мосты, которые он строит.

— Ты его увидишь сегодня, семейная гордость. Это все его работы.— И она кивнула в сторону картин.

— Он художник? — оживился Миги.— Мне будет интересно познакомиться с ним.

— Ты, кажется, никогда не увлекался живописью?

— Но у меня много друзей в этом мире. И представь себе, уже здесь, в Москве, я познакомился с художником, работающим в очень своеобразной манере...

— Своеобразие манеры — это весьма похвально,— с улыбкой заметил Василий Евгеньевич.— Важно только, чтобы мы, смертные неучи, могли уразуметь, что сей мастер желает сказать людям.

Поняв, но не приняв шпильку, Мигуэль продолжал допытываться:

— Ваш сын тоже мастер, профессионал?

— Да, мастер, только в другой области. Мосты строит.

— Инженер?

— Еще нет. Просто большой мастер своего дела. Был с нами в экспедиции, подружился с ребятами железнодорожной стройки. Вот и стал мостостроителем. Курсы окончил. Теперь академик в своем деле. Спасибо тому, кто вовремя талант обнаружил.

— О, обнаружить талант в его колыбели — великое дело,— напыщенно произнес Мигуэль.

— Ты прав, Миги. Помнишь, как я тебя уверяла, что буду хирургом? А стала геологом. Спасибо маме, убедила. Хирургия и впрямь не

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—17.

для меня. И еще наш учитель географии предрекал: «Ты будешь искателем подземных кладов, Катя». Говорил так, что не понять, в шутку или всерьез.

Миги интересовал круг друзей Кати из мира художников. И он умело повернул разговор:

— Мостостроение не мешает Косте заниматься живописью?

— Нет. Живопись — это его хобби.

— Однако у него, вероятно, есть учителя?

— У него много друзей-художников.

Катя назвала несколько фамилий. Но Миги они не заинтересовали, ему нужны другие, из тех, кто «анти». И гость с трудом скрыл разочарование. А Катя с вечным родительским умилением продолжала рассказывать о сынуле, который отказался от путевки в Сочи и проводит отпуск дома с родителями, друзьями. Она, вероятно, долго бы говорила на излюбленную тему, если бы муж не остановил:

— Катенька, ты не считаешь, что пора и гостю позволить рассказать о себе?

— Нет-нет, что вы! — запротестовал Мигуэль.— Мне все это очень интересно. А о себе... Ну, что тебе, Катя, сказать?

Он задумался, наморщил лоб и повел неторопливый рассказ. Хозяева не могли не заметить, что гость, доселе удивительно гладкоречивый, теперь говорил нехотя, туманно и сбивчиво. Трудно было понять, кто его вызвал из Советского Союза. Намекал на какие-то связи, какие-то секретные задания отца, якобы нелегально жившего в горах Астурии, о поручениях некоего человека из Марселя, чье имя по понятным причинам называть нельзя.

— Ты член коммунистической партии? — спросила Катя.

— Формально нет,— ответил испанец. И поспешил добавить: — Наверху считают, что так нужно...

Супруги Ковровы, хорошо знакомые с законами конспирации, незаметно переглянулись и не настаивали на продолжении разговора о прошлом. А что касается настоящего... Миги протянул свою визитную карточку, из которой явствовало, что дон Мигуэль Кастильо — коммерсант, представляет какую-то латиноамериканскую фирму.

— По каким делам к нам пожаловали? — поинтересовался Ковров.

— Веду торговые переговоры с москвичами. Отличные партнеры. Через несколько дней подпишем взаимовыгодный контракт.

— Бог ты мой, если бы тогда, в сорок пятом, мне кто-нибудь сказал, что Миги приедет в Москву заключать торговые контракты! Чудеса, да и только.

— Да, чудеса, Катенька...— Испанец поспешил перевести беседу в другое русло.— А это разве не чудеса?.. Разве тогда, в сорок пятом, ты могла думать, что гостями Запада будет столько советских людей, ученых, артистов, спортсменов, инженеров, студентов, коммерсантов, членов всяких делегаций, участников различных симпозиумов.

— Это же прекрасно, Миги. Значит, над нами светлеет небо, значит, торжествуют идеи разрядки и мирного сосуществования.

— Обожаемая Катенька! Мне тоже хочется быть оптимистом. Но, увы, еще не все тучи рассеялись. Прогрессивные люди Запада, среди них есть и коммунисты, обеспокоены, встревожены, недоумевают...

— А что, собственно, беспокоит их, по какому поводу недоумевают?

Это спросил Василий Евгеньевич, уловивший, с какого голоса поется песня. Миги поначалу высказывался осторожно, обтекаемыми фразами, кстати и некстати напоминая, что не очень глубоко разбирается в политических диалогах. Но когда зашла речь о молодежи и Кастильо, рассыпаясь в комплиментах по ее адресу, заявил, что она очень симпатична людям Запада, что она смотрит дальше старшего поколения, смело и дерзко восстает против догматических нравоучений старших, Василий Евгеньевич не преминул заметить:

— О, вы, оказывается, не так уж чтобы совсем не разбираетесь в политике.

— Я же учился в Москве. И все, что касается советской молодежи, мне близко.

— Да-да, конечно. Незабываемая пора юности. Я тоже самым решительным образом выступаю против навязчивых назиданий старших, далеко не всегда способных проникнуть в тайники юношеской души. А иной эти назидания: «Ах, молодежь нынче не та!» — выдает за образец коммунистического воспитания. Что делать! Юных влечет мир таинственных и порой далеко не безобидных дел. А им говорят: «Не смейте... Это разложение... Мы так не жили». И начинают ругать длинные волосы. Я толкую таким: судите не по прическе, а по тому, что под волосами, что в черепной коробке имеется. Ведь в этой коробке смелые и часто вполне зрелые идеи, как новую жизнь строить. Любого антикоммуниста, антисоветчика на обе лопатки положат. А мы к молодым с недоверием: ах, длинные волосы, ах, эти джинсы с заплатами, ах, дискотека, поп-музыка! Вот такой молодой человек, образованный и притом, подчеркну, идейно убежденный, нет-нет да и спросит: а не надо ли по-новому браться за решение той или иной проблемы? Признаем же и за длинноволосыми право ломать собственную голову и от нас того требовать... А вот и наследник пожаловал.

Пришел Костя с товарищами, и за столом стало шумно, весело. Вспыхнули споры о работах художников, представленных на выставке. Некоторые из упомянутых имен вызвали особый интерес испанца. Прислушиваясь к спорам, Кастильо вспоминал беседу с одним из руководителей штаб-квартиры, снарядившей его в московский вояж. «А не считаете ли вы,— сказал тот,— что есть верный способ подорвать советское общество? Взрывать нужно не заводы, а тех, кому надлежит руководить ими,— молодых технократов». И Кастильо тут же подумал про Костю и его друзей: «Попробуй взорви их!»

— О чем задумались, господин Кастильо? — поинтересовался Ковров. И, не дожидаясь ответа, объявил: — Дискуссионный клуб закрывается! Пора и перекусить...

— Да-да,— поддержала Катя,— а то пельмени и кулебяка остынут. Помнишь, Миги, как их для тебя готовила мама?

— Еще бы!

В разгар застолья появился поначалу никем не замеченный сосед по даче, профессор Поляков. Он по праву доброго соседа и друга, которому всегда рады, тихонько вошел через веранду и был ошеломлен, узрев за столом хромоногого. Поздоровавшись за руку с хозяевами и другими гостями, он намеренно отвесил испанцу почти оскорбительно вежливый поклон. Ему представили дона Кастильо, и Поляков с величайшим удивлением узнал, что его дружба с хозяйкой дома восходит к довоенным временам. Об этом было сказано лишь мельком, но обостренное чутье профессора помогло уловить суть. Был у него порыв рассказать все, что знал об отце и сыне Кастильо, но удержался. Не время и не место. Только процедил сквозь зубы:

— Мы, кажется, встречались за рубежом, господин Кастильо? И при весьма необычных обстоятельствах.

Уловив удивленный взгляд хозяйки дома, Миги понял, что отмалчиваться нельзя.

— Как говорят в России, мир тесен. Представь себе, Катенька, что сравнительно недавно мы с отцом имели честь обедать с профессором Поляковым. Он приезжал тогда на симпозиум и, как писали газеты, выступил с интересным докладом.

И, обращаясь уже к Полякову, Кастильо стал восторженно говорить об отце, не преминув упомянуть, что тот удостоен почетного знака участника Сопротивления. Побагровев от злости, Михаил Петрович сделал рукой такое движение, словно просил не затрагивать этого предмета, и дал понять, что не имеет желания поддерживать разговор на эту тему. Хозяева почувствовали себя неловко, понимая, что эти двое, неожиданно встретившиеся в их доме, многое недосказали. За столом воцарилось напряженное молчание. Воспользовавшись паузой, Костя с приятелями отправились в сад, а хозяин дома объявил:

— Друзья, у меня появилась прекрасная мысль, хотя, возможно, она только мне кажется такой. Не подняться ли из-за стола ради доброй порции кислорода? Не пойти ли прогуляться? Что скажете, дон Кастильо?

— Мысль действительно прекрасная, но мне, как говорят у вас, пора и честь знать. Вон, кажется, и машина пришла.

— А вы, дорогой соседушка?

— Благодарствую.— Профессор был бледен.— Рад бы, да дела ждут. Я ведь только на минуту заглянул...

Поляков резко поднялся из-за стола и на мгновение задержался около стоявшего у дверей испанца. Взгляды их встретились. Строгое лицо Михаила Петровича выражало презрение и боль.

Вслед за профессором стал прощаться с хозяевами и Мигуэль Кастильо.

— Благодарю за доставленное удовольствие, за чудесные пельмени, приятную беседу... Мы еще увидимся... Обязательно увидимся, Катенька...

КРАСНЫЙ «ОПЕЛЬ»

Выйдя за ограду, профессор присел на скамейку, растирая левую половину груди. Он не долго просидел так, дожидаясь, пока сердце выровняет ритм. Поднялся с места, сделал несколько ковыляющих шагов, уже собрался было не торопясь взбираться на косогор, к своей маленькой обители, когда вновь почувствовал острую боль. Он застонал и схватился за грудь. Стало трудно дышать и двигаться. Невмоготу даже вытащить из кармана нитроглицерин. Его качнуло, холодный пот покрыл лоб. Он едва удержался на ногах. Часто донимавшая в последнее время болезнь грозила одолеть его. «С чего бы это?» — спросил сам себя. И усмехнулся... Знал, с чего. Острая боль пронзила, как только увидел этого гаденыша на даче Ковровых. Потревоженная память вновь высветила и давние времена: маки, Аннет, провокатор и встречи, беседы последних дней. Аннет, Сергей... Зачем он так разоткровенничался с ним? Старческая болтливость или... Есть что-то располагающее в этом журналисте, товарище племянника. А племянник — единственный по-родственному близкий ему человек. Сын недавно умершего брата. И больше на всем свете некого назвать родственником. Он так и не женился. Сколько было девушек, женщин, атаковывавших профессора Полякова. Но ни одна из них не могла встать рядом с Аннет!

В сумбурные мысли сама собой вкралась тревога. Аннет, кажется, не оставит испанца в покое. И чем это для нее кончится? О себе не хочется думать. А надо, нельзя забывать тот страшный вечер за рубежом, на тихой, безлюдной улице вдали от отеля. Он отчетливо вспомнил, как все это было.

...Симпозиум микробиологов проходил в столице небольшого западноевропейского государства. Доклад профессора Полякова вызвал большой интерес. За его исследованиями на стыке биологии, химии и физики пристально следили крупнейшие ученые Запада, работавшие в том же направлении. Впрочем, не только ученые. Одна из его работ шла под грифом «секретно», и Полякова предупредили: «Будьте осторожны».

Симпозиум организовали так, чтобы не очень перегружать ученых. Поляков и его советские коллеги побывали в музее, один из вечеров провели в мюзик-холле, другой — в гостях у местного корифея микробиологии. Собралось много гостей, и было достаточно шумно. Рядом с Михаилом Петровичем сидела молодая, красивая женщина, выступавшая с докладом буквально вслед за ним. Мадлен, так она просила называть себя, вела исследования в той же области и сейчас рассыпалась в комплиментах. За иными угадывалось обычное женское кокетство, другие же больше походили на вопрос: «О, не обессудьте, женская любознательность». Ее интересовала не только наука, но и жизнь Москвы и самого профессора в Москве.

— У вас, конечно, есть хобби, есть много друзей?..

— Конечно. Я коллекционирую военные мемуары и все, что с ними связано.

— Вы были на войне?

— Да, но мне не повезло. Попал в плен. Правда, удалось бежать и связаться с французскими партизанами. Вместе с ними воевал в отряде маки.

Мадлен оживилась.

— Маки? О, это великолепно! Я должна познакомить вас с отцом своего большого друга. Вам будет очень интересно, он имеет почетный знак участника Сопротивления. Они оба, отец и сын, милые, добрые люди. Представляют какую-то латиноамериканскую фирму, поставляющую на европейский рынок химико-биологические препараты. Отец и сын приехали сюда, чтобы установить контакты с некоторыми научными лабораториями.

Гости поднялись из-за стола, а Мадлен, взяв Полякова под руку, увела его на веранду. Отсюда открывался чудесный вид на отлично ухоженный парк. Был жаркий июльский день, все кругом уже погружалось в сиреневые сумерки, и в дымке их терялась чарующая красота молоденьких березок. Профессор только угадывал их и мысленно уносился в родное Подмосковье, на свою дачу, на речку. Михаил Петрович устало, отсутствующим взглядом, осмотрелся кругом, забыв о симпозиуме, о Мадлен, об отце и сыне, поставляющих какие-то препараты. Но его спутница не замедлила дать о себе знать.

— Я не мешаю вам? Вы о чем-то задумались? — И она лукаво-укоряюще посмотрела на него загадочно сощуренными глазами.

Поляков не без смущения глянул в ее лицо и извинился.

— Березы всегда будят в памяти русского отчий дом. А я к тому же... Есть такой грех... Иногда балуюсь стихами. Вы не обиделись на не очень внимательного кавалера? Ну вот и прекрасно. Я вам говорил, что война сблизила меня с французами, и я хорошо запомнил слова моего друга-парижанина: «Яд обиженной женщины сильнее змеиного яда»...

Мадлен рассмеялась.

— Он прав, ваш друг, и хорошо, что вы помните эту французскую мудрость. Женщины Франции умеют любить и ненавидеть. Вы помните «Мадмуазель Фифи» Мопассана?

Разговор пошел на литературные темы. Ей нравился благодушно усмехающийся О'Генри, а Полякову — иронически улыбающийся Анатоль Франс. Но литературная беседа длилась недолго. Мадлен довольно резко прервала ее:

— Итак, я хотела бы уточнить: завтра мы обедаем в обществе моих друзей. Вчетвером. Вы не возражаете?

Он сразу не ответил, а она настойчиво продолжала:

— Поверьте, вам будет интересно.

Мадлен уже не щебетала и не кокетничала. Теперь с Поляковым вела разговор энергичная деловая женщина. И профессор, мгновенно уловив эту перемену в тоне Мадлен, заметил:

— Я не уполномочен вести какие бы то ни было переговоры...

— О, господин Поляков, к чему эти предупреждения? Никаких деловых разговоров. За столом встретятся товарищи по оружию.

— Почему же только вчетвером? А мои друзья, коллеги?

— Среди них тоже маки?

Поляков пожал плечами.

— Ну что же... Мне действительно приятно встретить товарища по оружию. Возможно, у нас найдутся общие знакомые. Кстати, у меня есть еще одно хобби. Я переписываюсь с боевыми друзьями по отряду маки. Собираю их письма, фотографии.

— Теперь ваша коллекция пополнится... Итак, до завтра. Мы вас будем ждать...

В условленный час Поляков спустился из номера в ресторан. Он сразу заметил столик в углу, где лицом к входу в зал сидела Мадлен, а два ее друга сосредоточенно посасывали соломки, торчавшие из больших бокалов. Мадлен курила сигарету, картинно отставив палец с большим перстнем. Профессор уже при первой встрече приметил это кольцо с аметистом, и эту ее манеру курить. Увидев профессора, француженка приветливо помахала ему. Поляков подошел к столику и вздрогнул. Лицо самого старшего из тех, кто сидел за столом — Мадлен отрекомендовала его как участника Сопротивления, — показалось ему удивительно похожим на лицо человека, которого он видел лишь несколько часов, но запомнил на всю жизнь. Так бывает. Годы не стерли в памяти образ испанца, который ночевал в их отряде маки, выдавая себя за бойца интербригады, сражавшейся под Мадридом. Утром он неожиданно исчез, а днем на партизан обрушился отряд гитлеровцев. Позже станет известно: их привел в лес испанец...

Профессор был ошеломлен: «Нет, вероятно, это ошибка, подвела зрительная память. А большое родимое пятно на лбу? А эти крупные черты лица? А эти большие глаза, сейчас настороженно поглядывающие на «соратника по былым сражениям»?» Может, Полякову показалось, однако он уловил в них искорки смятения. Но вспыхнув, они мгновенно погасли. И теперь господин Кастильо взирал на русского спокойно, даже чуть приветливо.

Поляков предложил выпить за встречу боевых друзей, за победу, за мир на земле. Но Кастильо — это был он — поспешил перевести разговор на другую тему. Ему кажется, что пора ученым установить более тесные, непосредственные контакты с деловыми людьми без оглядки на пограничные кордоны.

— Наука и коммерция не знают границ, господин Поляков, они раздвигают их. Мы могли бы предложить вам...

Поляков прервал его:

— Простите, но я не уполномочен вести переговоры и обсуждать предложения деловых людей. К тому же я полный профан в этой части. В моей стране есть прекрасные специалисты, умеющие должным образом оценить любые коммерческие предложения. Но не могу не заметить по поводу ваших соображений о границах, что среди деловых людей есть немало таких, которые щедро субсидируют господ, одержимых бредовыми идеями восстанавливать старые границы. Уроки прошлого им не пошли впрок. И я, человек, причастный к этим урокам, очень огорчен по сему поводу. А вы? Ведь вы тоже сражались...

Поляков резко повернулся в сторону Кастильо-старшего. Взгляды скрестились, и теперь в глазах испанца мелькали то снисходительная ирония, то ненависть, но он отлично владел собой, дон Кастильо, и подчеркнуто сдержанно сказал:

— Я не склонен увлекаться историей, господин Поляков, и предаваться воспоминаниям. Это мешает коммерции...

— Жаль. А я хотел бы обратиться к вашей памяти. Вам не приходилось бывать в отряде маки, действовавшем недалеко от швейцарской границы? Однажды его здорово потрепали немцы. Кто-то точно вывел их на лагерь. Вам не кажется, господин Кастильо, что наши военные пути-дороги перекрещивались где-то на французской земле?

— Возможно. Но, увы, годы... Склероз... Что делать?

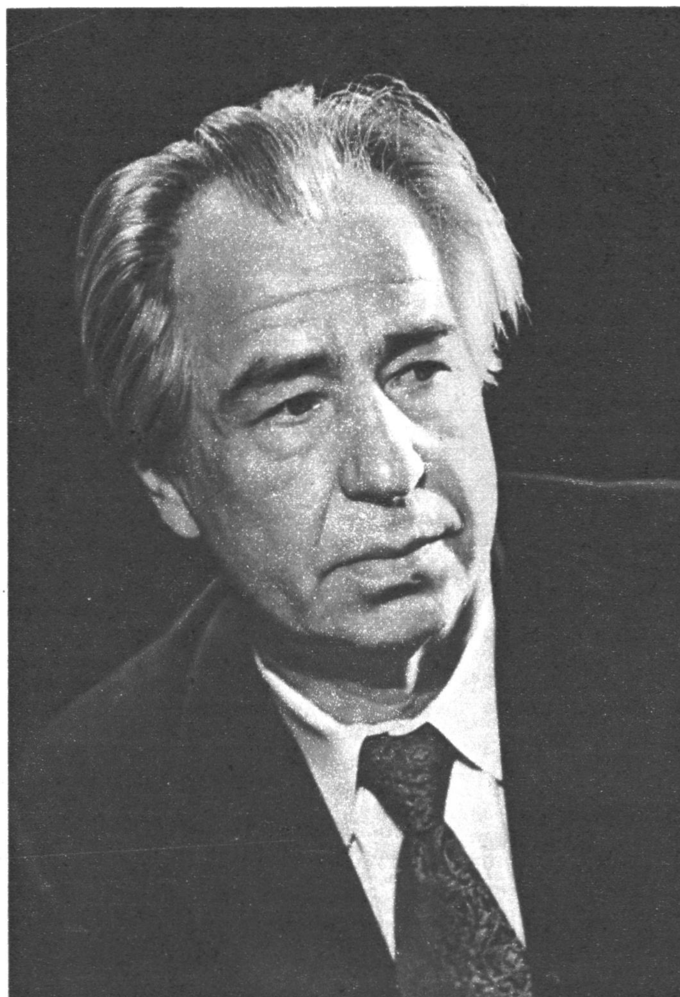
— Прошу прощения, — вмешался Кастильо-младший, — но я должен напомнить отцу, что через минуту-другую его будет вызывать Венесуэла. Нас известили только сегодня утром.

— Да, да... Деловой человек не принадлежит самому себе. — И Кастильо-старший развел руками. — Я не имел возможности предупредить Мадлен, попросить перенести встречу. Тысячу извинений, господин Поляков. Но я рад буду снова увидеться с вами. Завтра или послезавтра... Мы кое-что вспомним. Хорошо?

Не дожидаясь ответа, отец и сын раскланялись и ушли.

Продолжение следует.

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЕДОРОВ

Советская литература понесла тяжелую утрату. На шестьдесят седьмом году жизни скончался видный советский поэт, член КПСС, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии РСФСР, секретарь правления Союза писателей РСФСР Василий Дмитриевич Федоров.

Творчество Василия Федорова глубоко патриотично и партийно. Вдохновенно воспевал он созидательный труд и героизм советских людей, их верность заветам Октября.

Широкое признание читателей получили поэмы Василия Федорова «Белая роща», «Проданная Венера», «Бетховен», «Седьмое небо», «Женитьба Дон-Жуана», книги стихов «Не левее сердца», «Третьи петухи», «Книга любви».

До последнего дня своей жизни поэт активно участвовал в общественной работе, был секретарем правления Союза писателей РСФСР, членом правлений Союза писателей СССР и Московской писательской организации.

Василий Федоров выступал с публицистическими и литературоведческими статьями на страницах газет и журналов, бережно относился к литературной смене, заботливо воспитывал творческую молодежь.

Партия и правительство высоко оценили заслуги В. Д. Федорова в развитии советской литературы. Он награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

Светлый образ поэта-коммуниста Василия Дмитриевича Федорова навсегда останется в памяти советских людей.

В. И. Воротников, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, Б. И. Стукалин, С. Г. Лапин, В. Ф. Шауро, Г. М. Марков, В. М. Мишин, Б. Н. Пастухов, А. М. Роганов, М. Н. Алексеев, А. Г. Алексин, А. А. Ананьев, Ю. Я. Барабаш, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, Ю. Н. Верченко, С. В. Викулов, Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, К. М. Долгов, Н. К. Доризо, Ю. В. Друнина, М. А. Дудин, С. П. Залыгин, А. С. Иванов, Е. А. Исаев, М. С. Каримов (Мустай Карим), А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, Д. Н. Кугультинов, Ф. Ф. Кузнецов, К. Ш. Кулиев, Л. М. Леонов, С. В. Михалков, В. Д. Поволяев, П. Л. Проскурин, Р. И. Рождественский, В. М. Озеров, С. В. Сартаков, А. В. Софронов, И. Ф. Стаднюк, А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, М. П. Шевченко, О. Н. Шестинский.

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ

Когда уходят из жизни большие поэты, скорбь о невосполнимой утрате окаймляет людские сердца трауром, заставляет остановиться в молчании и не только еще раз осознать бессилие поправить случившееся, но и обдумать путь поэта пройденный, заглянуть в завтрашний день его поэзии. У настоящих поэтов он предсказуем. Таким поэтом был Василий Дмитриевич Федоров. Он воплощал в своем облике художника и гражданина непрерывность высоких традиций советской поэзии, у истоков которой были Маяковский, Блок, Есенин.

Может быть, только теперь, когда перестало работать беспокойное, страстное, мужественное и нежное сердце поэта, понимаешь, что случилось непоправимое. Смерть обостреннее подчеркнула значимость всего созданного им. Поэзия его была сердечной присягой на верность Родине, партии, народу. Поистине крылатыми стали его слова о том, что сердца — высоты, которых отдавать нельзя, что он за искусство левое, но не левее сердца, что все несовершенства мира лежат на совести поэта. Все это — разделенность судьбы с судьбой народа. Она и обусловила неповторимое, открытое, распахнутое ощущение высоты федоровского стиха, его крылатость, устремленность в будущее. Отсюда неистребимое жизнеутверждение социалистического бытия, запечатленное вдохновенной рукой мастера в поэмах «Проданная Венера», «Золотая жила», «Седьмое небо», без которых невозможно представить русскую поэзию XX века. Отсюда беспредельная искренность «Книги любви». Отсюда высокая правда слов о поэзии, о творчестве, о жизни, составивших книгу «Наше время такое...» — книгу-исповедь, программу, признание.

«Я люблю мою Россию. Люблю не только за воспоминания детства с речкой в золотых песках, с озером в кувшинках, с лучами в травах и цветах. Люблю не только за память юности с первым свиданием и первым поцелуем, но и за то, что она, добрая и требовательная, научила меня труду: научила пахать землю, косить траву, ковать железо, управлять самолетом и строить самолеты. Она учит меня быть ее поэтом».

Как и всякий подлинный талант, Василий Федоров соответствовал званию, всегда одному из самых высших на русской земле званию — поэт. Соответствие это выступает в самых разных, но удивительно созвучных человеческих качествах художника: сердечность, совестливость, скромность.

В послевоенные годы он работал в редакции журнала «Огонек», и именно таким запомнился поэт всем, кто с ним сотрудничал. Таким он останется в памяти знавших его в жизни и в памяти знающих Василия Федорова по его стихам. Мне жизнь отпустила минуты, часы общения с поэтом. Они никогда не остынут в сердце. И потому, может, нарушая каноны скромности, хочу поделиться с людьми его дарственной надписью на двухтомнике «Избранного» 6 июня 1971 года:

Дорогой Борис Леонов,
Не плодил я эпигонов,
Не блистал в огнях неонов,
Сам светил, как мог!..

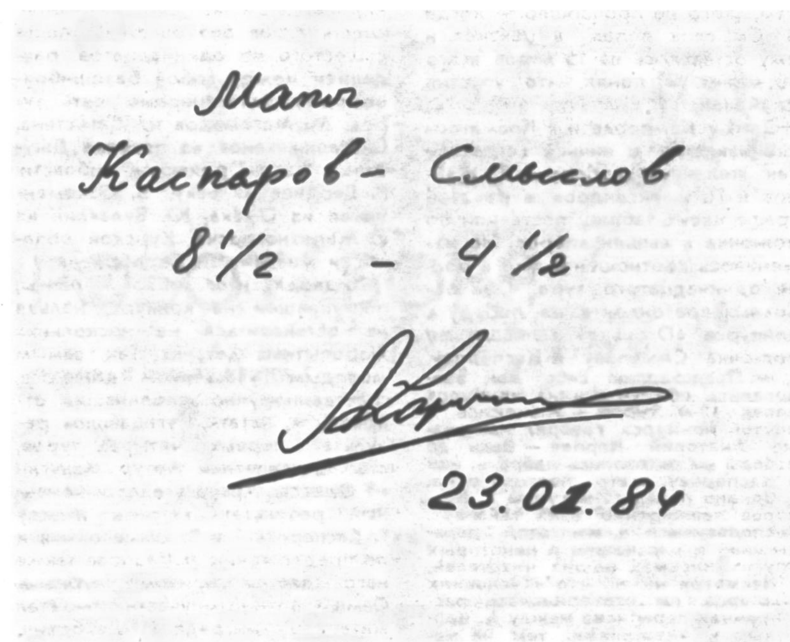
Поэзия Василия Федорова действительно светоносна. И свет ее не померкнет с годами, в которые мы уходим без него, но и вместе со стихами его сердца, в котором уместилась вселенная любви ко всему живому и доброму на земле.

Бор. ЛЕОНОВ

ИТОГИ ШАХМАТНОГО КОНКУРСА ПРОГНОЗОВ

В № 4 «Огонька» за 1984 год чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов пригласил читателей журнала участвовать в конкурсе прогнозов: «Кто победит в финале претендентов?» Любителям шахмат предлагалось предугадать не только общий счет матча между Василием Смысловым и Гарри Каспаровым, но и попытаться определить результат каждого из шестнадцати туров. Десять участников конкурса, приславших наиболее точные ответы, должны были стать счастливыми обладателями шахматных сувениров с автографами трехкратного чемпиона мира Анатолия Карпова и победителя финального матча.

Победа знатоков

Прогноз Анатолия Карпова лежал в заклеенном конверте в редакционном сейфе и был вскрыт после окончания матча В. Смыслова и Г. Каспарова.

Уже через неделю после выхода в свет «Огонька» в редакцию буквально хлынул поток писем. Первыми, как и следовало ожидать, откликнулись москвичи, и первая почта принесла первый сюрприз: оказалось, что среди земляков В. Смыслова большинство участников конкурса отдавало предпочтение Г. Каспарову: из 180 писем, полученных в первую неделю, 160 читателей назвали победителем финала Гарри Каспарова. Но и в дальнейшем соотношение мнений болельщиков осталось таким же.

Всего на конкурс поступило три тысячи пятьсот сорок девять писем. Их география оказалась необычайно разнообразной — от Мурманска до Памира и от Сахалина до Бреста. В конкурсе приняли участие и многие читатели из-за рубежа. Свои прогнозы прислали почитатели древней игры из Болгарии, Чехословакии, ГДР, Польши, Монголии, Афганистана. Немало пришло писем и от советских специалистов, работающих за рубежом.

Результат первых трех туров правильно угадало 337 читателей. В 4-м туре Каспаров, играя черными в ферзевом гамбите, одерживает вторую победу, и вперед выдвинулись только 91 счастливчик, которым удалось в таблицу молодого претендента записать последовательно две ничьих и две победы.

5-й тур. В Вильнюсе фиксируется ничья, и победное шествие продолжают А. Ертанов из Иркутской области, Э. Павлов из Норильска, москвич М. Теплов, ереванец К. Колтухчан, читатель «Огонька» из г. Железногорска Курской области Ю. Булавин, П. Маянов из Чернигова, Л. Асочаков из Хакасии, В. Донской из Калининградской области, М. Козлов из Севастополя, В. Волков из Харькова, В. Образцов из Челябинска, А. Юргенсов из Калининградской области.

6-й тур. Играя белыми, В. Смыслов создает сильную позицию белопольного слона и умело ослабляет ферзевый фланг черных, однако Г. Каспаров остроумно защищается, и в результате вновь мирный исход поединка. Эта ничья усложнила положение всех вышеперечисленных участников, которые посчитали, что бакинец на этот раз непременно проиграет. Не потерпели урона всего 23 претендента на призы. Сохранили шансы на победу Г. Бабенко (Ставропольский край), Н. Чинаев из Тольятти, Я. Гельруд из Челябинска, Н. Панага из Донецка, А. Лозгачев из Кировска Мурманской области. Однако вскоре и их постигает неудача. Среди тех, кто вышел на старт 7-го тура без потерь, были Н. Адилов из Пахтакора, Ю. Жжонов (г. Кумертау, Башкирская АССР), Н. Титов из Сыктывкара, бакинец А. Айрапетов, житель Еревана Г. Манукян, три алмаатинца: О. Ужельбаев, А. Андреев, В. Юров; В. Краев из Красноярска, В. Умнов из Моршанска Тамбовской области, кемеровец Г. Жуйков, В. Копнов из Вильнюса и П. Александров из Краматорска.

После двух ничьих в пятом и шестом туре можно было ожидать, что Гарри Каспаров постарается закрепить свой успех, играя белыми фигурами. Однако он вновь предложил своему сопернику ничью, а вся группа продолжила борьбу за призы «Огонька».

8-й тур. Белыми играет В. Смыслов. Конечно же, ветеран советских шахмат попытается переломить ход борьбы и выиграет эту встречу. Так решили Н. Титов, Н. Адилов, А. Андреев и О. Ужельбаев. Напротив, Ю. Жжонов, Г. Манукян, В. Юров и земляк Г. Каспарова А. Айрапетов отдали предпочтение в этой встрече бакинцу. И когда Каспаров на 28-м ходу вновь предложил ничью, которую В. Смыслов принял без раздумий, ряд участников вынуждены были признать свое поражение. Без потерь сохранили свою позицию уже знакомые нам В. Умнов, В. Краев, В. Копнов, П. Александров и Г. Жуйков. Они верили в свою счастливую звезду.

Между тем среди тех наших читателей, которые откликнулись на предложение «Огонька», нашлись и пессимисты. Сергей Иванович Кулинич писал: «Игра, в которой вы пригласили участвовать своих читателей по «угадыванию» результатов матча между Г. Каспаровым и В. Смысловым,— дело безнадежное, ибо вероятность «попадания», если можно так выразиться, в данном случае составляет 0,000002 процента. Шахматы — наука точная. Вместе с тем за ними стоит живой человек, со своей психикой, своим физическим и моральным состоянием, своим характером, наконец. И учесть весь этот комплекс просто немыслимо... Тем не менее ваше предложение в самом зародыше своем дело полезное».

Точно такое же мнение высказал саратовец Е. Маркелов. «Объявленный вами конкурс, вне всякого сомнения, соберет многих участников,— писал он,— но с полной уверенностью можно сказать, что никому из них не удастся точно угадать результат каждого из шестнадцати туров».

Но мы верили, что если нашим читателям и не удастся приблизиться к абсолютному рекорду, то по крайней мере они смогут пройти без потерь хотя бы еще два-три тура. И вот 9-й тур. Каспаров играет белыми. Впереди проницательная пятерка: В. Умнов, В. Краев, П. Александров, Г. Жуйков и В. Копнов. Восемь туров прошли они, что называется, без сучка без задоринки. Что ждет их в девятом? Легко представить себе, с каким волнением следили участники конкурса за событиями в Вильнюсе. Легче всего было, конечно, Виктору Ивановичу Копнову, который мог наблюдать за игрой, сидя в уютном зале Дворца работников искусств Вильнюса. Остальные сидели у телевизоров и радиоприемников в Кемерове, Моршанске, Красноярске и Краматорске и с нетерпением ждали вестей из Вильнюса.

В. Смыслов избрал кембридж-спрингскую защиту ферзевого гамбита в борьбе против белых. И хотя, судя по мнению специалистов, он не раз изыскивал новые продолжения дебюта, но мощное пешечное наступление Г. Каспарова на королевском фланге в конце концов привело к капитуляции черного короля. С огорчением узнал об этом на следующий день красноярец В. Краев. Не менее был раздосадован, должно быть, и читатель из Моршанска — В. Умнов. В «майке лидера» на 10-й этап вышел В. Копнов из Вильнюса, чья открытка пришла в редакцию 13 февраля, на несколько дней раньше, чем письма от П. Александрова и Г. Жуйкова.

10-й тур. По логике событий от Василия Смыслова, конечно же, следовало ожидать решительных действий. Счет к этому времени был 6,5:3,5, и едва ли очередная ничья могла устроить экс-чемпиона мира. На это-то и рассчитывал лидер нашего конкурса В. Копнов.

— Продумывая сложившуюся в матче ситуацию,— рассказывал Виктор Иванович корреспонденту

«Огонька» по телефону,— я был уверен, что на этот раз Смыслов преподнесет Каспарову такую домашнюю заготовку, которая наконец приведет его к победе. Но, увы, этого не произошло. А когда В. Смыслов попал в цейтнот и ему оставалось на 15 ходов всего 10 минут, я понял, что упустил свой шанс.

Зато в Кемерове и в Краматорске известие о ничьей встретили как желанную победу: и Г. Жуйков и П. Александров в десятой графе своих таблиц поставили по пол-очка и вышли вперед. Не изменилось соотношение сил и после одиннадцатого тура. Оба основных претендента на победу в конкурсе «Огонька» записали по пол-очка Смыслову и Каспарову.

— Представляю себе, как волновались оба участника конкурса перед 12-м туром,— знакомясь с почтой конкурса, говорил нам позже Анатолий Карпов.— Ведь до победы им оставалось набрать, как и Каспарову, всего полтора очка.

Однако перед 12-м туром Г. Каспаров неожиданно взял тайм-аут. Воспользуемся и мы этой передышкой и расскажем о некоторых других письмах наших читателей.

Несмотря на то, что в условиях конкурса не оговаривалась расширенная переписка между А. Карповым и читателями, тем не менее многие любители шахмат в своих письмах делились с чемпионом мира впечатлениями о шахматной жизни страны, рассказывали о своих увлечениях. Интересное письмо прислал в редакцию 18-летний Валерий Александров из города Бор Горьковской области. Два года назад по-настоящему увлекшись шахматами, он уже сегодня стал заправским шахматистом и играет в силу первого разряда. В письме В. Александров признается, что шахматы дали ему возможность не только интересно проводить свой досуг, но и помогают лучше учиться. Житель города Херсона И. Исмаилов написал, что благодаря предложению Анатолия Карпова участвовать в конкурсе он по-настоящему заинтересовался поединками претендентов. Теперь И. Исмаилов знакомится с шахматной литературой, следит за успехами ведущих гроссмейстеров мира. Не менее интересным было письмо от рабочего из г. Глазова (Удмуртская АССР) Алексея Богданова. Алексей давно играет в шахматы, не раз выступал на соревнованиях за свой класс в школе, потом за техникум, в котором учился, а теперь играет за рабочий коллектив и всегда с большим интересом следит за выступлениями своего шахматного кумира Михаила Таля.

Однако время тайм-аута подошло к концу, соперники вновь склонились над шахматной доской.

Два наших лидера в своих прогнозах записали четвертое очко Каспарову, и судьба первого места должна была определиться лишь в последнем — тринадцатом — туре матча.

Геннадий Жуйков из Кемерова угадал, что партия закончится вничью, в то время как П. Александров из Краматорска дал победу Г. Каспарову.

Таким образом, главный приз «Огонька» завоевывает Г. Жуйков. Он, единственный из 3549 участников конкурса, ни разу не ошибся в своих прогнозах. На втором месте П. Александров из Краматорска, на третьем — В. Копнов из Вильнюса.

192 участника конкурса журнала, предугадавшие конечный результат матча, допустили просчеты в отдельных турах.

Жюри во главе с Анатолием Карповым решило отметить призами «Огонька» тех из них, кто правильно назвал общий итог матча и больше других угадал (последовательно) результаты по отдельным турам. В итоге четвертое место жюри присудило А. Айрапетову из Баку (первые семь туров он прошел без единой ошибки). На пятом месте А. Назарепян (шесть туров без ошибки). Места с шестого по одиннадцатое разделили между собой безошибочно прошедшие первые пять туров: М. Магомедов из Дагестана, С. Калимаханов из поселка Джусалы Кзыл-Ординской области, Р. Вердиев из Баку, В. Соломенников из Омска, Ю. Булавлин из г. Железногорска Курской области и москвич Л. Серебряник.

Подводя итог обзору почты, поступившей на конкурс, нельзя не остановиться на нескольких любопытных деталях. Так, самым молодым участником конкурса, собственноручно заполнившим открытку и, кстати, угадавшим результат первых четырех туров, стал шестилетний Артур Калугин из Одессы. Артур угадал и конечный результат встречи между Г. Каспаровым и В. Смысловым, и по предложению А. Карпова также награждается призом журнала. Самым пожилым участником стал житель Ленинграда Г. Лейбович, которому исполнилось 98 лет.

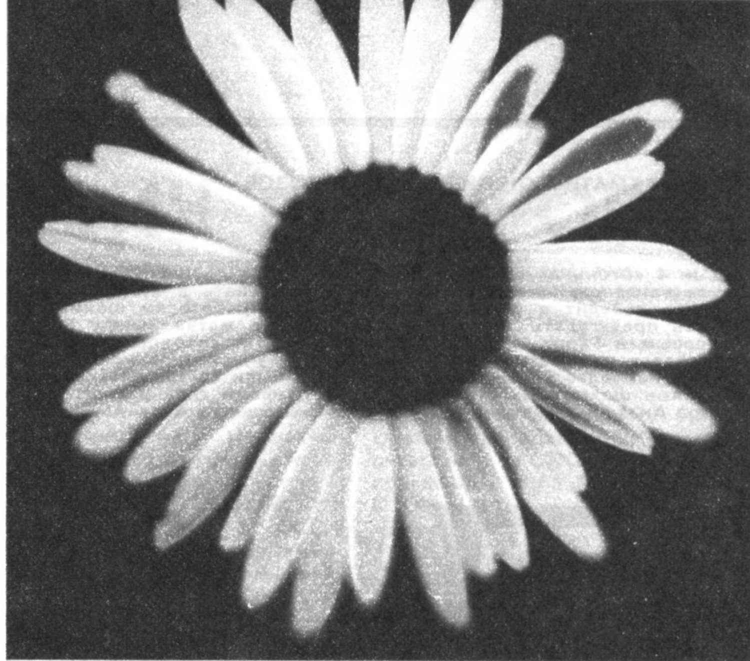
По предложению Анатолия Карпова учрежден приз и для первого читательского письма, пришедшего в редакцию. Его прислали дед и внук Каграмановы из Москвы. Составив таблицу, оба подробно, с определенной долей прозорливости прокомментировали ее, отдав предпочтение Г. Каспарову.

Заканчивая обзор почты, предвидим справедливый вопрос читателей относительно прогноза А. Карпова, который лежал в заклеенном конверте, в сейфе. Когда конверт был открыт, оказалось, что, отказавшись от прогнозирования по турам, Анатолий Карпов точно угадал его результат — 8,5 : 4,5.

Более двухсот открыток и писем прислали в «Огонек» читатели журнала с благодарностью за предоставленную возможность участвовать в конкурсе. Многие из них высказали просьбу организовать подобный конкурс, когда за шахматный столик сядут Анатолий Карпов и молодой претендент на титул чемпиона мира. «Спасибо вам за этот шахматный конкурс,— пишет в редакцию студент третьего курса из Вологды Николай Анохин.— Благодаря ему я перелистал десятки шахматных журналов, просмотрел сотни партий, окунулся в таинственный мир шахмат и пережил несколько часов томительного сомнения, когда дожидался сообщений из Вильнюса». К слову сказать, Н. Анохин точно угадал исход семи туров матча и всего на пол-очка ошибся в определении конечного результата. Подобные же письма прислали в журнал: Е. Кожушко из Херсона, ветеран Советской Армии из Волгограда С. Павловский, редактор издательства «Каменяр» из Львова Р. Стефанишин, И. Куличкин из села Дюпся Якутской АССР, А. Молдобаев из города Пржевальска, В. Шапиев из г. Полярный Мурманской области, В. Верещагина из Южно-Сахалинска (кстати, Вера Алексеевна оказалась в числе немногих читателей, которые предсказали, что Г. Каспаров в этом матче не проиграет ни одной партии), А. Рзаев из Ленкорани, Н. Жуков из Петропавловска-Камчатского, комсомолец 30-х годов из Севастополя Н. Гарусов и многие, многие другие.

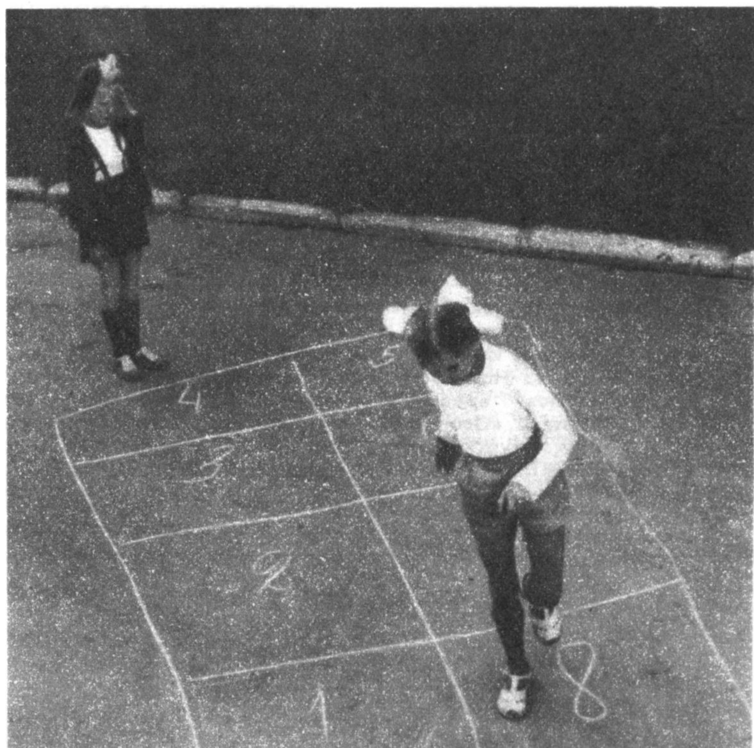
А нам остается поблагодарить всех участников конкурса прогнозов и порадоваться успеху победителей.

Обзор подготовил В. ЗАСЕЕВ.

ВЕСНА

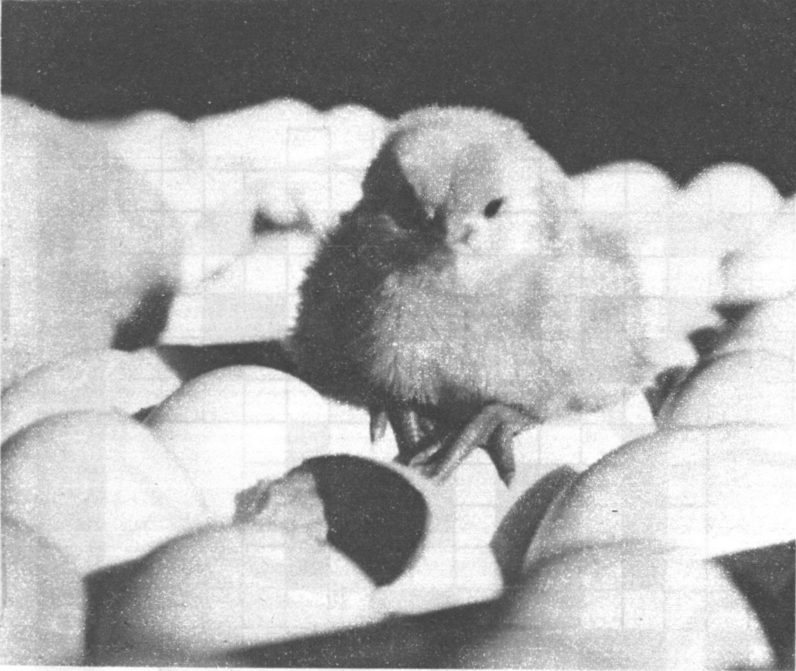
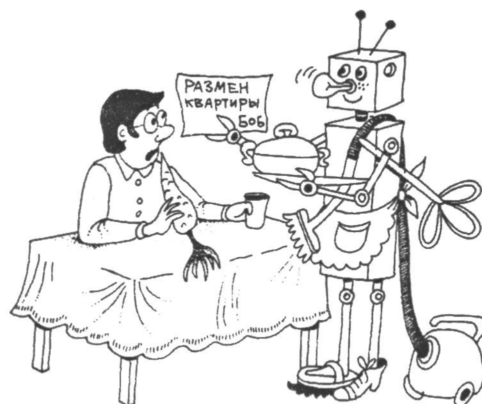

Фото А. БОЧИНИНА

Виктор ГАСТЕЛЛО

РОБОТ БОРЯ

БЫТОВАЯ ФАНТАСТИКА

Ильин приобрел его в магазине «Все для дома» в отделе бытовой техники. Он сразу ему понравился. Простое, чуть нахальное лицо и не очень дорогой. Рядом стояли ребята подороже.

Одного из них и пытался всучить Ильину продавец.

— Берите этого,— настаивал он, борясь за план.— Способен на тонкие чувства и сложные переживания... Обучен решать дифференциальные уравнения в частных производных.

— Мне, в частности, это ни к чему,— сказал раздраженно Ильин.— Хватит с него и таблицы умножения!

— Или вот этого,— продолжал не терять надежду продавец.— Вложены все физические константы... Вдруг пожелаете учиться дальше.

— Дальше некуда,— окончательно обозлился Ильин,— могу записать в жалобную книгу все свои дипломы... Мне нужен старательный балбес.

— Тогда вот этого,— буркнул продавец.— Парень простой, что надо.

— Вот! Годится! Чуть дороже пылесоса, но симпатичный.

— Включаю... Дайте сразу имя,— предупредил продавец.

Раздался щелчок, и робот, вращая глазами, начал потягиваться.

— Назовем тебя Борисом, приятель,— сказал Ильин и похлопал робота по плечу.— Короче, Боб!

— Подходит, старина,— проскрипел робот и похлопал Ильина чуть пониже поясницы.

«Однако,— подумал Ильин,— какой развязный... Впрочем, это было видно по физиономии».

В течение двух недель Боб следовал за Ильиным по дому, не спуская с него глаз. В начале третьей недели он, подражая интонациям Ильина, заявил:

— Ну, вот мы уже и обучились. Просто устроен, старина. У меня больше транзисторов. Таких, как ты, у нас ОТК не пропускает.

— Годится, Боб,— сказал кротко Ильин, молча проглатывая хамство.— Хватит бездельничать, засучивай рукава и помой посуду.

— Помыть посуду?— живо откликнулся Боб.— Кончилась чистая тара?

— Да нет! Сервиз длинный, на двенадцать персон.

— А зачем паника? Вот весь перепачкаешь, сразу и вымою.

— Ну, ладно, тогда погладь брюки.

— Лучше их повесить, за ночь отвисятся.

— Интересно, Боб, откуда ты такой находчивый? Может, тебя так запрограммировали?

— Совсем нет, просто я осмысливаю твое любимое выражение: «Главное — хорошо подумать, тогда многое само собой отвалится».

«Ну вот,— расстроился Ильин.— Был один, теперь появилось два мыслителя... Надо бы ему по гарантии мозги вправить в нужную сторону».

Боб тоже по-своему был человеком и примирительно сказал:

— Меня можно поправлять, стоит только ласково произнести: «Так делать нехорошо».

Многое робот делал виртуозно. После холостяцкой сухомятки Ильин блаженствовал в кулинарном буйстве. В электронном мозгу Боба была заложена уйма рецептов. Ильин стащил из интуристовского ресторана меню в роскошных корочках и вычитывал оттуда шикарные блюда. Боб терпеливо ходил по магазинам, стоял в очередях, доставая, по его выражению, необходимые ингредиенты, заводил нужные знакомства.

— Кушать подано,— говорил Боб вкрадчивым голосом вышколенного слуги. И, если Ильин пытался вытащить застрявшее в зубах мясо пальцами, учтиво протягивал зубочистку. В конце трапезы он выкладывал перед Ильиным перфокарту с записью поглощенных им калорий.

Увы, это продолжалось недолго. В один из вечеров, когда Ильин по привычке открыл свои любимые красные корочки, Боб довольно бесцеремонно его оборвал:

— Хватит, приятель, изображать из себя гурмана с нетрудовыми доходами. Будем следовать рекомендациям института питания. Сегодня на ужин омлет, морковный сок, капуста фри.

С этого дня Ильин вставал из-за стола как настоящий джентльмен — с волчьим чувством голода... По ночам ему снились пожары, женщины на работе отмечали какой-то загадочный блеск в его глазах, начальство радовалось усердию. Вот что может сделать с человеком обычная морковка!

На первых порах Ильин пытался хитрить... Вежливо поблагодарив Боба за вкусный ужин, он незаметно запирался в туалете и с наслаждением поедал бутерброды с колбасой... Но это электронное чучело невозможно было провести.

— Опять за старое,— раздраженно бубнил Боб через запертую дверь,— сухомятка, в антисанитарных условиях, освободи помещение!

— Так делать нехорошо, Боб,— произносил Ильин заветную фразу.

— Хорошо! У тебя желудок с пониженной секрецией.

— Откуда ты знаешь?— кричал с сомнением в голосе Ильин.— Тебе лень готовить ужин, вот и несешь чепуху.

— Я тебя вижу насквозь: слабо работает железистый аппарат желудка, нужна диета, чтобы возбуждать твою же секреторную функцию.

— Какую еще функцию,— испуганно вылетал из туалета Ильин,— что ты выдумываешь?

— Секреторную функцию, и я не поручусь, что ты протянешь до девяноста лет...

Деморализованный Ильин по вечерам покорно, как заяц, ел морковку.

Решив вопросы питания, Боб перешел к нравственным проблемам.

— Тебе за тридцать,— тянул он голосом председателя товарищеского суда.— Почему ты не женат?

— В этом доме вопросы задаю я,— взрывался Ильин.— Не твое дело.

— Мое! Ты меня купил, я за тебя в ответе.

— Что ты понимаешь в чувствах, логарифмическая линейка!

— Очень даже понимаю... Треть моей памяти занята постулатами любви, морали и нравственности.

— Представляю, какая солянка сборная набита в твоей чугунной башке.

— Я мог бы подыскать эпитет и для твоей башки, но это не меняет сути дела... По инструкции я обязан тебя любить и беречь. Хочешь, я подыщу тебе хорошую девушку?

— Представляю, какое это будет добродетельное чучело.

— По крайней мере она не будет вся зашпаклевана. И не деформирована джинсами.

— Ошибаешься, приятель, джинсы были модны, когда ты валялся на сборке.

— Неважно. Я могу подобрать милое, нежное, доверчивое существо с большим словарным запасом.

— А как насчет дачи, машины, электронная сваха?

— Материальные категории вне чувственного,— сказал Боб голосом спортивного комментатора, когда ведут не наши.— И как можешь ты назначать по телефону два свидания в один вечер... и потом весь в мыле носиться по городу?

— Это не твое мыло,— серьезно обиделся Ильин.— Ты еще и подслушиваешь. Тебя не обучили, что это непристойно.

— Мой долг...— начал было Боб.

— Твой долг — кушать подано,— перебил Ильин.

Несколько дней они не разговаривали. Боб молча мыл, варил, стирал, убирал и даже назло или нечаянно назначил для Ильина два свидания с женщинами, любовь к которым у него недавно переросла в дружбу.

— Опять ты лезешь не в свои дела,— вскипел обессиленный Ильин,— кто велел тебе соваться в мои отношения с Катериной и Марией?

— Позволь, мой повелитель,— искренне удивлялся Боб,— еще недавно сначала Катерину, а потом Марию ты называл единственной, и я против правил, заложенных во мне, в порядке самообучения хотел...

— Хотел! Эта чугунная физиономия хотела...

— В этом доме имею право хотеть только я,— передразнивал Боб знакомым голосом,— и хочешь, я воспроизведу твой последний телефонный разговор с новой симпатией?

— Какая чепуха,— удивлялся Ильин, вслушиваясь,— боже, какая пошлость.

— Это твоя чепуха...

У Боба портился характер, он раздражался по всяким пустякам. Все начиналось с одного и того же. Боб щурил свои синтетические глаза и начинал:

— Когда нас монтировали, то вложили все хорошее... Что ты со мной сделал... Я ни во что не верю, я стал циником...

— Не прибедняйся,— огрызался Ильин.— Ты с самого начала был тем еще фруктом. Завтра идем в комиссионный магазин, буду продавать тебя в приличный дом.

— Надо читать инструкции, хозяин, там все сказано: после полугода совместной жизни продажа запрещена.

— Я не могу продать свой пылесос?

— Пылесос можешь продать, электроутюг — тоже, меня — нет: робототорговля запрещена, я сформировался как личность, как твое второе «я» и имею право на жизнь.

— Я сдам тебя школьникам на металлолом.

— Нельзя, хозяин, я на учете.

— Что же делать?— растерялся Ильин.

— Уживись сам с собой или разъезжайся, как с родным братом.

— А может, того, тебя выключить?

— Нельзя, мой повелитель, я умру вместе с тобой, у меня самоликвидатор.

— Я не собираюсь умирать.

— Прекрасно, значит, поживем. Мы можем разменяться и будем ходить друг к другу в гости.

— Вспоминая тебя, я буду вздрагивать.

— Успокойся, у тебя типичная картина резистентности.

— Это еще что такое?— вздрогнул Ильин.

— Адаптационный синдром, или стресс, как говорят в простонародье.

— Ты еще и демагог, электронный лекарь, короткого замыкания на тебя нет.

— Напрасно, мой повелитель, во мне заложено все человеческое, кроме преданности, преданность собачья.

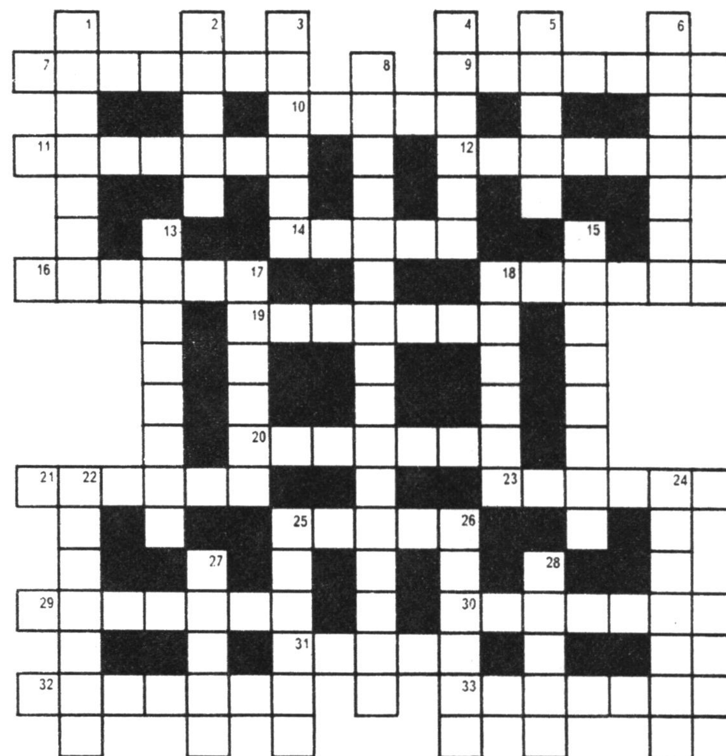
— Все, Боб, я согласен на размен квартиры... Твои условия?

Боб тяжело стереофонически вздохнул:

— Какие мои условия? Лишь бы к тебе поближе, напряжение двести двадцать... и можно без балкона.

Весь вечер Ильин от руки писал объявления о размене. За полночь он развел ведро столярного клея, поднял воротник плаща и, настороженно озираясь, двинулся обклеивать объявлениями ближайшие столбы и подворотни.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Писательница, родоначальница эстонской драматургии. 9. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 10. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». 11. Стихотворение В. В. Маяковского. 12. Спортивные мотогонки. 14. Один из основоположников квантовой электроники, академик, лауреат Ленинской премии. 16. Один из основных приемов исполнения в музыке. 18. Кинорежиссер, лауреат Ленинской премии, снявший киноэпопею «Освобождение». 19. Композитор, народный артист СССР, автор песни «Москва майская». 20. Туркменский актер, режиссер, народный артист СССР. 21. Нелегальное собрание рабочих в дореволюционной России. 23. Наиболее удаленная от Солнца точка орбиты планеты. 25. Столица автономной советской республики. 29. Краткое изречение. 30. Торжественный трубный сигнал. 31. Музыкальный интервал. 32. Лесной голубь. 33. Писательница, политработник Красной Армии в годы гражданской войны.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Роман Ю. Семенова, посвященный деятельности Ф. Э. Дзержинского. 2. Первый украинский профессиональный хор, капелла. 3. Столица республики в составе Югославии. 4. Герой романа М. Горького «Мать». 5. Внешний вид, наружность. 6. Селекционер, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 8. Создание крупного машинного производства в народном хозяйстве. 13. Героиня французского движения Сопротивления. 15. Композитор, автор музыки «Интернационала». 17. Раздел физики. 18. Нити, идущие вдоль ткани. 22. Заключительная торжественная массовая сцена спектакля. 24. Финский общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 25. Прибор, указывающий направление меридиана. 26. Промысловая рыба, обитающая в Черном и Азовском морях. 27. Приток реки Лены. 28. Сланец, строительный материал, сырье для щебня.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Зарасай. 6. Бельбек. 8. Яхта. 9. Диез. 10. Сальников. 13. Конопля. 14. Пуччини. 15. Репертуар. 18. Пойнтер. 20. Сенегал. 21. «Работница». 22. Снег. 24. Бриз. 25. «Охотник». 26. Уланова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Орша. 2. Гамалея. 3. «Перекоп». 4. Обод. 5. Захаров. 7. Кремень. 10. Сепаратор. 11. Натюрморт. 12. «Вечеринка». 16. Зощенко. 17. Чайкина. 19. Рябинин. 20. Спираль. 23. Грот. 24. Блок.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Юность.
Фотоэтюд И. Гаврилова

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весна на горной пасеке.
Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 9.04.84. Подписано к печати 24.04.84. А 00360. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 725 000 экз. Изд. № 1170. Заказ № 2488.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

1 МАЯ

— ДЕНЬ международной солидарности трудящихся

В БОРЬБЕ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА

Борцом
Против ядерной смерти
Вставай
На всех перекрестках Земли,
Первомай!

Все выше
Знамена труда
Поднимай,
Сплоченность народов крепи,
Первомай!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663